

**БЕЛГОРОДСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МВД РОССИИ ИМЕНИ И.Д. ПУТИЛИНА**

**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЭКСТРЕМИЗМУ
НА НАЦИОНАЛЬНОМ И МЕЖДУНАРОДНОМ УРОВНЯХ:
МЕТОДОЛОГИЯ, ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ**

Материалы

Всероссийской научно-практической конференции

16 ноября 2017 года

Белгород

**Белгородский юридический институт МВД России
имени И.Д. Путилина**

2018

П 68 Противодействие экстремизму на национальном и международном уровнях: методология, правовые и организационные основы : материалы Всероссийской научно-практической конференции, 16 ноября 2017 г. – Белгород : Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, 2018. – 92 с.
ISBN 978-5-91776-236-4

Редколлегия:

Амельчаков И.Ф., начальник института, кандидат юридических наук, доцент (председатель);

Озеров И.Н., заместитель начальника института (по научной работе), кандидат юридических наук, доцент (заместитель председателя);

Лысенко В.А., начальник кафедры государственно-правовых дисциплин, кандидат юридических наук, доцент (ответственный секретарь);

Члены редколлегии:

Зайцев В.А., доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, кандидат юридических наук;

Ильичёв И.Е., профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, доктор юридических наук, профессор.

В сборнике материалов Всероссийской научно-практической конференции представлены статьи, в которых отражены правовые и организационные аспекты противодействия экстремизму на национальном и международном уровнях.

Предназначен для курсантов, слушателей, адъюнктов, профессорско-преподавательского состава образовательных организаций системы МВД России, сотрудников органов внутренних дел.

УДК 323.2
ББК 67

ПРАВОВАЯ ОСНОВА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИИ И БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

УДК 343.915

Архипцев И.Н.,
кандидат юридических наук
(Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье рассматриваются правовые основы предупреждения преступности несовершеннолетних в России и Белгородской области. Автор выделяет важные направления по предупреждению и профилактике преступности среди несовершеннолетних, которые будут способствовать снижению криминальной активности данных лиц.

Ключевые слова: несовершеннолетние, преступность, правовая основа, предупреждение.

THE LEGAL BASIS FOR THE PREVENTION OF JUVENILE CRIME IN RUSSIA AND BELGOROD REGION

Arhiptsev I.N.,
candidate of jurisprudence sciences
(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article discusses the legal basis for the prevention of juvenile delinquency in Russia and the Belgorod region. The author highlights important directions for the prevention of juvenile delinquency, which will reduce the criminal activity of these persons.

Key words: minors, crime, legal framework, prevention.

Вначале отметим, что проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних были и остаются актуальными для российского государства и общества. Ни для кого сегодня не секрет, что криминальные проявления несовершеннолетних стали носить все более тяжкий характер, растет количество группового совершения преступлений данными лицами, совершаемые ими преступления все более дерзкие и циничные. Кроме того, общеизвестно, что несовершеннолетние являются серьезной подпиткой и хорошим «строительным материалом» в руках профессиональной и организованной преступности, преступности террористической направленности и экстремизма.

Так, еще многие помнят инцидент со стрельбой в школе № 263 в районе Отрадное города Москвы, который произошел 3 февраля 2014 года. Тогда десятиклассник Сергей Гордеев, вооруженный карабином и винтовкой, застрелил учителя географии и захватил в заложники своих одноклассников, а затем открыл огонь по прибывшим на место происшествия полицейским, убив сотрудника вневедомственной охраны и тяжело ранив патрульного [1, с. 58-62]. В по-

следнее время большое распространение в России получила так называемая группировка «УЕ» – молодежное сообщество, которое пропагандирует среди несовершеннолетних воровские понятия российской криминальной среды и тюремные понятия, требует соблюдения «воровского кодекса» со сбором денег на «общак», взамен обещая поддержку и защиту в настоящем и будущем [2]. Отдельные ученые выделяют их в отдельный вид, именуемый «иррациональным экстремизмом» [3, с. 85].

Хотя, согласно данным МВД России, в 2017 году несовершеннолетними совершено 45 288 преступлений, в том числе тяжких и особо тяжких 10 238 преступлений, что составляет 4,1% в общем количестве расследованных преступлений [4], однако это отнюдь не говорит о том, что все благополучно в данном направлении.

В связи с этим на первое место для сокращения количества совершаемых несовершеннолетними преступлений выходит деятельность по предупреждению и профилактике преступности исследуемой категории лиц.

Как известно, профилактика преступлений среди несовершеннолетних в Российской Федерации на законодательном уровне регулируется Конституцией, нормами международного права, а также Федеральным законом от 24 июня 1999 года № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [5].

В частности, согласно указанным нормативным правовым актам, в России специально уполномоченными компетентными органами осуществляется деятельность по предупреждению безнадзорности, беспризорности и совершения преступлений среди несовершеннолетних, которая в первую очередь направлена на защиту законных прав и интересов детей, оказавшихся в социально опасном положении.

Так, в соответствии с Федеральным законом от 24 июня 1999 года № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» безнадзорным ребенком признается, если его поведение никто не контролирует в результате ненадлежащего содержания, образования и воспитания со стороны родителей или законных представителей.

Несовершеннолетний, который не имеет места пребывания или места жительства, считается беспризорным. А под социально опасным положением понимается обстановка, подразумевающая угрозу жизни или здоровью ребенка или не отвечающая требованиям к его содержанию, воспитанию, обучению [6, с. 99-102].

На сегодняшний день важными направлениями по предупреждению и профилактике преступности среди несовершеннолетних могут выступать следующие меры:

– более широкое применение судами при назначении наказания несовершеннолетним видов наказания, не связанных с изоляцией от общества, с учетом личности несовершеннолетнего, характера и степени общественной опасности совершенного им преступления (назначение им наказаний в виде штрафа, обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы);

– подготовка специалистов, занимающихся профилактикой девиантного поведения несовершеннолетних (социальные педагоги, психологи, модераторы в школах);

– безусловно, это семья как основная ячейка любого общества, где происходит становление личности несовершеннолетнего, в него закладываются нравственные, этические нормы поведения, происходит реализация социально-правовых мер, оказывается правовая, педагогическая и медико-психологическая помощь (неблагополучные, неполные семьи);

– направленные на усиление взаимодействия правоохранительных органов, различных социальных служб, образовательных организаций;

– в области молодежной политики, которые связаны с улучшением досуговой сферы несовершеннолетних (строительство детских спортивных площадок, лагерей отдыха, клубов для молодежи);

– направленные на ресоциализацию несовершеннолетних, освободившихся из мест лишения свободы, в виде помощи им в окончании учебы в школе, получении работы, решении насущных жилищных проблем;

– борьба с негативными социальными явлениями среди несовершеннолетних (употребление алкоголя, наркотиков, психотропных веществ, вовлечение несовершеннолетних в сферу сексуальных услуг).

Следует отметить, что важное место в предупреждении преступлений несовершеннолетних отводится органам внутренних дел, вопросами профилактики преступлений и правонарушений среди несовершеннолетних занимаются сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних.

Профилактическая деятельность сотрудников органов внутренних дел (полиции) по предупреждению антиобщественного поведения и противодействию правонарушениям несовершеннолетних строится на следующих формах: посещение несовершеннолетних и их родителей по месту жительства, учебы; административно-правовые беседы; оказание необходимого содействия в помещении детей в центры реабилитации, в трудоустройстве подростков; проведение целевых рейдов, направленных на выявление несовершеннолетних правонарушителей, лидеров и организаторов неформальных объединений, спортивных болельщиков; вовлечение несовершеннолетних в социально-здоровые коллективы, спортивные секции, кружки, клубы по интересам, благотворительную деятельность [7, с. 158-161].

Укажем, что ст. 2 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики и безнадзорности правонарушений несовершеннолетних» определяет одной из важнейших задач деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних предупреждение безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних, выявление и устранение причин и условий, способствующих этому.

Безнадзорность и совершение несовершеннолетними правонарушений и антиобщественных действий являются формами социальной дезадаптации несовершеннолетних и тесно связаны с такими ее проявлениями, как уклонение

от учебы, бродяжничество, ранняя алкоголизация и наркотизация, девиантное и криминальное поведение.

Таким образом, деятельность сотрудников полиции по профилактике преступлений несовершеннолетних представляет собой комплекс взаимосвязанных мер правового, педагогического характера по предотвращению проявления любых отклонений в поведении несовершеннолетних (общая профилактика) и сформировавшихся у отдельных лиц из их числа неприемлемых в нашем обществе форм отношения к обществу в целом, людям, своим обязанностям (индивидуальная, специальная профилактика).

Стоит сказать, что в настоящее время в стране успешно реализуется Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012-2017 годы, которая в настоящее время по поручению Президента Российской Федерации В.В. Путина дополнена рядом важных положений, касающихся, в частности, установления ежемесячной денежной выплаты на первого ребенка до достижения им возраста 1,5 лет, ежемесячной денежной выплаты из средств материнского (семейного) капитала на второго ребенка до достижения им возраста 1,5 лет, продление срока действия материнского (семейного) капитала по 31 декабря 2021 года и другие меры [8].

Необходимо отметить, что не отстает и региональное законодательство. В целях предотвращения правонарушений администрацией Белгородской области был принят закон от 13 декабря 2000 года № 122 «О системе защиты прав несовершеннолетних, профилактики их безнадзорности и правонарушений в Белгородской области» [9].

Нельзя не указать на положительные успехи, которые были достигнуты в ходе реализации данного закона. Так, происходит предупреждение правонарушений несовершеннолетних, улучшаются их бытовые и жилищные условия, выделяются материальные средства на приобретение продуктов питания, одежды, медикаментов.

В рамках реализации «Межведомственного плана мероприятий по совершенствованию на территории Белгородской области деятельности, направленной на оказание помощи детям и подросткам в случаях жестокого обращения с ними на 2014-2017 годы», утвержденного распоряжением Правительства области от 13 октября 2014 года № 460-рп, а также «Плана мероприятий по межведомственному взаимодействию в сфере профилактики безнадзорности, правонарушений и иных асоциальных проявлений среди несовершеннолетних, защите их прав на 2016 год», утвержденного постановлением комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Белгородской области от 19 января 2016 года № 1/П-3 КДН Белгородской области, во взаимодействии с образовательными учреждениями, организациями культуры и спорта, при участии УМВД России проводят предупредительную деятельность с несовершеннолетними. Существенное значение имеет профилактическая работа в период школьных каникул, организованы досуговые мероприятия, действует специализированный лагерь для трудных подростков «Феникс». Успешная реализация профилактических мероприятий в Белгородской области позволила улучшить обста-

новку, связанную с подростковой преступностью, наметились тенденции сокращения количества преступных деяний несовершеннолетних.

Положительные результаты в Белгородской области достигнуты в результате профилактических операций, например, «Подросток», «Семья», «Быт», «Каникулы», «Детское кресло» [10].

В заключение следует отметить, что анализ современного состояния вопросов профилактики антиобщественного поведения несовершеннолетних в научной литературе и практика ее решения на региональном уровне позволяет нам сделать вывод о том, что эффективность профилактической работы в значительной степени зависит от более тесного сотрудничества всех ее субъектов как на уровне органов внутренних дел, так и на уровне социальных институтов, государственных учреждений, не входящих в данную систему, а также простых граждан.

Нисколько не сомневаемся в том, что от надлежащего планирования и реализации профилактических мероприятий в данной сфере, от того, как эффективно и целенаправленно все мы будем оберегать несовершеннолетних от криминальной культуры, предупреждать их преступные проявления, зависит будущее нашей страны.

Литература

1. *Раменский С.Е., Раменская Г.П., Раменская В.С.* Агрессивное поведение людей в современном обществе и в учебной аудитории // Педагогическое образование в России. 2015. Вып. 2. С. 58-62.

2. АУЕ [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.m.wikipedia.org/wiki/АУЕ>.

3. *Архипцев Н.И., Демко О.С.* Особенности проявления молодежного экстремизма в России и в Белгородской области / Причины распространения этнического экстремизма и ксенофобии среди молодежи (Центральный федеральный округ): сб. материалов социологического исследования / под ред. проф. Л.Я. Дятченко. – Белгород: БелГУ, 2008 С. 85.

4. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2017 года [Электронный ресурс] // официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics>.

5. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (ред. от 01.01.2017) // Российская газета. 1999. 30 июня.

6. *Калашиников О.Д.* Своевременное выявление причин и условий, порождающих преступность, как эффективное средство предупреждения преступности несовершеннолетних на современном этапе / Приоритетные направления предупреждения преступности на современном этапе: сборник статей. 2013. С. 99-102.

7. *Шураев А.А.* Проблемные аспекты административной деятельности полиции по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних // Актуальные проблемы оперативно-разыскной и административной деятельности органов внутренних дел. 2012. С. 158-161.

8. Официальный сайт Президента Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/56263>

9. Закон Белгородской области от 13.12.2000 № 122 «О системе защиты прав несовершеннолетних, профилактики их безнадзорности и правонарушений в Белгородской области» (ред. от 09.12.2015) // Белгородские известия. 2000. 20 декабря.

10. Официальный сайт Губернатора и Правительства Белгородской области. [Электронный ресурс]. URL: https://www.belregion.ru/activity/protection_of_minors/news.php

ПРОБЛЕМЫ ПОСТРОЕНИЯ УНИВЕРСАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ

УДК 323.28

Богмацера Э.В.,

кандидат юридических наук, доцент

(Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье раскрываются некоторые проблемные аспекты построения единой эффективной системы противодействия экстремизму и терроризму на современном этапе развития мирового сообщества и России. В содержании данной проблемы рассматриваются три основных аспекта: праворегулятивный, правореализационный и идеологический.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, противодействие экстремизму и терроризму, система борьбы с экстремизмом и терроризмом.

PROBLEMS OF CREATION OF UNIVERSAL SYSTEM OF COUNTERACTION TO EXTREMISM AND TERRORISM

Bogmatsera E.V.,

candidate of jurisprudence sciences, associate professor

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: in article some problem aspects of creation of uniform effective system of counteraction to extremism and terrorism at the present stage of development of the world community and Russia reveal. In the maintenance of the considered problem three main aspects are considered: right regulatory, right realizable and ideological.

Key words: terrorism, extremism, counteraction to extremism and terrorism, system of fight against extremism and terrorism.

Одной из острых проблем современности продолжает оставаться распространение экстремизма и терроризма, представляющих собой реальную и серьезную угрозу национальной безопасности, поскольку направлены на нарушение базовых общечеловеческих, гражданских и политических ценностей, обеспечение которых является приоритетным в условиях построения правового государства.

Проблема противодействия преступлениям террористической направленности является комплексной, в том числе и по причине многоаспектности самого рассматриваемого социально неприемлемого феномена. Решение данной проблемы в современных условиях распространения терроризма и экстремизма должно выступать одной из основных функций современных государств.

Как представляется, в содержании рассматриваемой проблемы необходимо выделить три основных аспекта: праворегулятивный, правореализационный и идеологический.

В рамках первого аспекта необходимо говорить, прежде всего, об отсутствии единой нормативной регламентации базовых дефиниций, таких как «терроризм», «международный терроризм», «экстремизм», «финансирование терроризма» и др., прежде всего на международном уровне, что порождает многочисленные споры, противоречия и отсутствие единой правоприменительной практики государств.

Терроризм представляет собой многоаспектное явление, существующее в различных разновидностях. Стоит отметить, что преступные деяния террористической направленности, совершаемые на территории различных государств, обладают многими схожими чертами и особенностями, но это абсолютно не означает, что они не отличаются друг от друга. Имея незначительные различия, данные деяния имеют схожую природу происхождения, что в конечном итоге и влияет на формирование научных знаний и взглядов о природе и сущности данного социально недопустимого явления. В контексте изложенного проявления терроризма в России не стоит отграничивать от международного терроризма из-за их тесной связи в природе происхождения и механизме совершения. Также немаловажным фактором является и существование международных террористических организаций, которые занимаются вербовкой преступников, осуществляют подготовку преступлений террористической направленности и их финансирование [6].

Мониторинг положений конвенций, направленных на предотвращение преступлений террористической направленности, показывает, что в практике межгосударственного общения не сформировалось универсального понятия терроризма. В частности, п. 2 ст. 1 Конвенции Организации «Исламская Конференция» определяет терроризм как «любой насильственный акт или угрозу такового, вне зависимости от его мотивов или намерений, совершаемый для выполнения личного или коллективного преступного плана по запугиванию людей или созданию угрозы нанесения им вреда или созданию опасности для их жизни, достоинства, свобод, безопасности, прав или по созданию риска для окружающей среды, объектов, публичной или частной собственности, или по занятию либо захвату таковых, или по созданию опасности для национальных ресурсов, международных объектов, или по созданию угрозы для стабильности, территориальной целостности, политического единства и суверенитета независимых государств» [1]. Ст. 2 Арабской Конвенции о борьбе с терроризмом трактует терроризм как «любой акт или угрозу насилия, невзирая на мотивы или цели, которые совершаются в угоду одного лица или преступной группы, наводят ужас среди населения, наносят вред этому населению, подвергают

опасности жизнь, свободу и безопасность людей, направлены на нанесение вреда окружающей среде, общественным и частным зданиям или имуществу» [2]. В Конвенции ШОС терроризм определяется как идеология насилия и практика «воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями путем совершения либо угрозы совершения насильственных и (или) иных преступных действий, связанных с устрашением населения и направленных на причинение ущерба личности, обществу и государству» [3].

Проблема однако не столько в отсутствии единого понятия, сколько в наличии политической конъюнктуры. Систематизируя имеющиеся доктринальные и правовые подходы к вопросам терроризма, можно тем не менее выделить наиболее характерные признаки терроризма, к которым, по мнению Н.А. Чернядьевой, относятся насилие (силовое поведение), направленность преступного деяния в отношении частных лиц, наличие политической цели, причинение ущерба [8].

Однако полагаем, что перечень свойственных терроризму особенностей не исчерпывается названными признаками. Отличительными чертами терроризма также являются: 1) публичный характер исполнения террористических актов; 2) высокая степень общественной опасности терроризма; 3) умышленное создание обстановки страха, подавленности, напряженности; 4) оказание психологического воздействия на людей, т.к. создается обстановка страха, когда очевидны цели террористов и их стремления; 5) масштабный характер последствий террористического акта, в том числе значительное число человеческих жертв; 6) высокая степень финансирования террористической деятельности и др.

В современных реалиях терроризм давно уже вышел за пределы государственных границ отдельных стран и превратился в мировую угрозу безопасности.

В целях выработки единообразного подхода в области борьбы с терроризмом указанные признаки должны быть учтены субъектами правотворчества в процессе выработки правовых регуляторов в рассматриваемой сфере.

17 декабря 1996 г. была принята Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 51/210, ставшая основой формирования Специального комитета для разработки на первоначальном этапе проектов международных конвенций о борьбе с бомбовым терроризмом, а также с актами ядерного терроризма. Начиная с 2000 г. этот Специальный комитет начал разработку проекта Всеобъемлющей конвенции о международном терроризме. В ст. 2 Проекта содержится определение понятия международного терроризма: «Любое лицо совершает преступление по смыслу настоящей Конвенции, если оно, используя любые средства, незаконно и умышленно причиняет: а) смерть или тяжкое телесное повреждение любому лицу; или б) серьезный ущерб государственному или частному имуществу, включая места общественного пользования, государственные или правительственные объекты, систему общественного транспорта, объекты инфраструктуры, или окружающей среде; или с) ущерб имуществу, местам, объектам или системам, упомянутым в пункте 1 (б) настоящей статьи, который влечет или может повлечь крупные экономические убытки, когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население или за-

ставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения».

Несмотря на прогрессивный характер предложенного Проекта, он не был лишен отдельных недостатков, о которых весьма точно пишет А.Г. Волеводз. Первым серьезным недостатком следует назвать расплывчатость трактовки термина «международный терроризм». Это, по справедливому замечанию А.Г. Волеводз, не исключает: а) возможности осуществления политических спекуляций; б) ошибок квалификации данных преступлений, поскольку на практике возникают проблемы при разграничении международного терроризма и иных преступлений, имеющих близкие признаки. Второй недостаток состоит в том, что разработчики Проекта отказались от реализации предложенного доктриной подхода, согласно которому международный терроризм представляет собой преступление, которое признается в настоящее время в соответствии с международным обычным правом и затрагивает интересы мирового сообщества в целом. В этой связи лица, его совершившие, подлежат международному уголовному преследованию. Среди существенных недостатков необходимо упомянуть и тот факт, что Проект фактически исходит из отказа юридически признать международный терроризм в качестве международного преступления [5, с. 5].

Подобная ситуация подтверждает существование необходимости доработки правовых регуляторов по вопросам противодействия терроризму и экстремизму, и начать данную работу необходимо с отдельных норм международного права.

Правореализационный аспект рассматриваемой проблемы связан с построением и функционированием эффективной системы противодействия терроризму и экстремизму, с реализацией конкретных мер противодействия и т.п., т.е. с практической стороной борьбы с данными негативными явлениями.

Предупреждение и противодействие терроризму и экстремизму, а также повышение эффективности борьбы с ними – это не только первостепенная внутренняя, но и внешняя функция современных государств. Противодействие терроризму и экстремизму представляет собой комплексную систему мер социально-экономического, политического и юридического характера, направленную на предотвращение возникновения и функционирования террористических (экстремистских) организаций (группировок), совершения актов терроризма и их последствий; целью которой является обеспечение общественной безопасности населения, защита политических, экономических и международных интересов государства.

В.Н. Антонов справедливо отмечает, что «в современных условиях терроризм трансформировался в весьма масштабное и сложное социально-политическое явление, осуществляемое на систематической основе и обусловленное самыми различными противоречиями, существующими в обществе и относящимися к основным сферам жизни» [4].

Также следует обратить внимание на некоторые особенности рассматриваемых явлений, которые должны учитываться при выработке практических мер противодействия терроризму и экстремизму:

1) борьба с преступностью террористической и экстремисткой направленности ведется в основном в ходе реагирования на уже совершенные преступления;

2) отсутствие совместной работы по предупреждению преступных посягательств, разрушению международных и межрегиональных связей преступных группировок, и как следствие, ликвидации террористических организаций;

3) в настоящее время еще не создан совместный и полноценный информационный банк данных обо всех ранее совершенных террористическими группами преступлениях и участниках этих групп;

4) негативно сказывается ведомственная разобщенность в вопросах учета, регистрации преступлений, связанных с терроризмом. В результате искажается достоверность статистической информации, нарушается порядковая регистрация уголовных дел, что приводит к дублированию следственных и оперативных мероприятий, лишает возможности оперативного обмена информацией;

5) вне поля зрения остаются многие ранее отбывшие наказание за совершение преступлений террористического характера. Ряд этих граждан продолжают заниматься антиобщественной деятельностью, хранят огнестрельное оружие, укрывают лиц, находящихся в розыске;

6) многочисленные обыски, проводимые по инициативе органов внутренних дел по местам жительства предполагаемых членов террористических группировок, оказываются безрезультатными. По некоторым уголовным делам была замечена утечка информации о готовящихся следственно-оперативных мероприятиях.

Наконец, третьим аспектом проблемы построения универсальной системы противодействия экстремизму и терроризму является идеологический.

Как представляется, менее уязвимым обществом для распространения террористической идеологии является то, которое сохраняет и чтит свои национально-культурные и исторические традиции, не подвержено распространению различных псевдокультурных ценностей, не свойственных тому или иному обществу. Поэтому государство должно не только формировать эффективную нормативную систему противодействия терроризму и экстремизму, но и заниматься духовно-нравственным воспитанием общества, прежде всего молодежи, поскольку она является первоочередным объектом воздействия со стороны террористических и экстремистских вербовщиков, агитаторов и т.п.

Для достижения этих целей необходимо развивать систему сотрудничества между государством и институтами гражданского общества, основанную на единстве целей, тесном взаимодействии и сотрудничестве, а также на достижении межнационального согласия.

Широким кругом государственных деятелей, ученых и ведущих специалистов признано, что одним из наиболее эффективных методов борьбы с идеологией терроризма является создание условий для масштабного и комплексного взаимодействия межнациональных и межконфессиональных институтов внутри России [9].

Таким образом, мировое сообщество имеет уже многолетний опыт по борьбе с терроризмом и экстремизмом, что позволяет создать универсальную систему противодействия данным угрозам современности. Но вместе с тем имеются факторы как объективного, так и субъективного характера, препятствующие данному процессу. Тем не менее, в Российской Федерации, как и во многих европейских государствах ведется работа по унификации правовой регламентации борьбы с терроризмом и экстремизмом. Но, как представляется, максимально эффективным данный процесс будет только после того, как будут унифицированы нормы международного права и будет сформулирован и нормативно закреплён в универсальных международных актах понятийный аппарат в области борьбы с терроризмом и экстремизмом. Подобные меры необходимы также и для устранения противоречий и пробелов в праве, что положительно скажется на процессе построения эффективной системы противодействия данным угрозам современности.

Литература

1. Конвенции Организации «Исламской Конференции» о борьбе с международным терроризмом. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902038140>
2. Арабская конвенция о борьбе с терроризмом от 22 апреля 1998 года (Каир). URL: <http://docs.cntd.ru/document/902038141>
3. Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма от 16 июня 2009 г. (Екатеринбург). URL: <http://docs.cntd.ru/document/902038140>
4. Антонов В.Н. Современный терроризм: теория и реальность // Азиатско-Тихоокеанский регион. Экономика. Политика. Право. 2002. № 2.
5. Волеводз А.Г. Криминализация международного терроризма в уголовном праве // Международное уголовное право и международная юстиция. 2014. № 2. С. 5.
6. Кряжев В.С. Взгляд на проблему борьбы с терроризмом и экстремизмом с учетом современных реалий // Российский следователь. 2016. № 2. С. 35-39.
7. Лунеев В.В. Тенденции терроризма и уголовно-правовая борьба с ним // Государство и право. 2002. № 6.
8. Чернядьева Н.А. Причинение ущерба и правовой статус жертвы в международных антитеррористических соглашениях системы ООН / Пятый Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 24-25 октября 2014 г.): избранные материалы / отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова // СПС «КонсультантПлюс», 2015.
9. Воронцов С.А. Взаимоотношения политических и религиозных систем: философско-правовой анализ: монография. – Ростов-на-Дону, 2013.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ НА ВОДНОМ ТРАНСПОРТЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 342.2

**Божко Е.А.,
Буняева К.В.,**

кандидат юридических наук, доцент
(Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье рассматриваются особенности и состояние обеспечения безопасности на объектах водного транспорта на современном этапе становления и комплексного развития транспортной инфраструктуры российского государства. Раскрываются основные причины и условия, способствующие возникновению аварийности, в контексте использования объектов морского и речного транспорта. Определяется роль и место данного вида обеспечения безопасности в системе государственной властной деятельности.

Ключевые слова: аварийность, безопасность, водный транспорт, государственный надзор, контроль, судоходство, транспортная безопасность, транспортная инфраструктура.

ENVIRONMENTAL SAFETY IN WATER TRANSPORT IN THE RUSSIAN FEDERATION

**Bozhko E.A.,
Bunyaeva K.V.,**

candidate of jurisprudence sciences, associate professor
(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article considers the features and the state of ensuring security at water transport facilities at the present stage of formation and integrated development of the transport infrastructure of the Russian state. The main causes and conditions contributing to the occurrence of accidents are revealed in the context of the use of sea and river transport facilities. The role and place of this type of security in the system of state power activity is determined.

Key words: accident, safety, water transport, state supervision, control, navigation, transport safety, transport infrastructure.

В настоящее время одним из приоритетных направлений государства является обеспечение безопасности на водном транспорте. Именно водный транспорт является основным составляющим транспортной системы в России. В этой связи обеспечение безопасности на водном транспорте приобретает исключительно стратегическое значение, о чем свидетельствуют статистические данные. Так, в 2017 году на водном транспорте произошло 89 аварийных случаев, что на 1 больше, чем в 2016 году, при этом 84 аварийных случая произошло на море, что на 2 больше, чем в 2016 году. В свою очередь на внутрен-

них водных путях Российской Федерации произошло 5 аварий, на 1 аварию меньше, чем в 2016 году. В результате аварий судов погибло 2 человека, 1 из них – пассажир, в то время как в 2016 году погибло 2 человека и 3 получили тяжкие телесные повреждения [7].

В последние годы наблюдается уязвимость речного и водного транспорта, что обусловило необходимость разработки и принятия ряда нормативно-правовых актов [1] по повышению безопасности. В этой связи в Российской Федерации разрабатываются и принимаются дополнительные меры по повышению безопасности объектов транспортной инфраструктуры и транспорта, поскольку в ряде регионов в условиях отсутствия железнодорожного сообщения и автомобильных дорог с качественным покрытием, речные суда выполняют роль единственного средства доставки грузов, особенно в отдаленных районах, что обуславливает усиление мероприятий, связанных с обеспечением данного вида безопасности.

При этом состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств может быть достигнуто только проведением единой государственной политики, включающей в себя систему мер нормативного, организационного и технического характера, направленных на создание условий по обеспечению устойчивого и безопасного функционирования транспортного комплекса [3, с. 104].

Характерной особенностью функционирования транспортной инфраструктуры является то, что в процессе транспортировки грузов в той или иной степени всегда бывает задействовано несколько видов транспорта. Следовательно, каждый из них в той или иной степени влияет на эффективность реализации транспортной инфраструктурой своих функций [4, с. 607-611].

Система водного транспорта является достаточно широкой категорией, куда по общему правилу входит как морской, так и речной транспорт. Каждый из данных элементов характеризуется определенными особенностями и проблематикой и, безусловно, заслуживает отдельного внимания. Вместе с тем целесообразно затронуть лишь некоторые аспекты обеспечения безопасности данных видов водного транспорта, тем самым в наиболее общем виде рассмотреть вопросы, связанные с обеспечением безопасности на водном транспорте в целом.

Рассматривая особенности обеспечения безопасности на водном транспорте, следует отметить, что речь идет о целом комплексе мероприятий и направлений, вместе с тем наиболее приоритетным является обеспечение безопасности судоходства, характеризующееся различной направленностью и соответствующей особенностью. Безопасность судоходства обеспечивается в соответствии с Кодексом внутреннего водного транспорта, правилами плавания судов по внутренним водным путям, правилами движения и стоянки судов в бассейнах внутренних водных путей, правилами пропуска судов через шлюзы внутренних водных путей, правилами диспетчерского регулирования движения судов и управления движением судов на внутренних водных путях, утвержденными федеральным органом исполнительной власти в области транспорта [1].

Безопасность мореплавания и судоходства как определенное направление государственной деятельности представляет собой систему, включающую це-

льный комплекс мероприятий и действий, урегулированных нормами действующего законодательства, направленных на обеспечение данного вида безопасности. Кроме того, как справедливо отмечает А.М. Скрынник, реализация подобных государственных функций и направлений деятельности обеспечивается целым рядом установок, связанных прежде всего с [5, с. 24]:

- созданием, поддержанием и развитием специальных средств гидрометеорологического и навигационного ориентирования и обеспечения морских и внутренних водных путей;

- точным и неукоснительным соблюдением и исполнением норм действующего международного и национального законодательства;

- надлежащим доведением необходимой оперативной информации до субъектов осуществления перевозочной деятельности на соответствующих участках акваторий;

- государственным и ведомственным контролем и надзором за выполнением установленных действующим законодательством квалификационных требований, предъявляемых к техническому состоянию и оснащенности, а также годности судов к осуществлению судоходной деятельности, надлежащей квалификации и профессионализма членов экипажа.

Вместе с тем необходимо отметить, что в современных условиях развития транспортного комплекса именно усиление государственного и ведомственного контроля и надзора в рассматриваемой сфере должно иметь приоритетное значение в настоящее время в рамках комплексного подхода к обеспечению безопасности на объектах водного транспорта.

При этом государственный надзор на морском и внутреннем водном транспорте должен быть направлен на обеспечение соблюдения транспортного законодательства в данной сфере деятельности; предотвращение транспортных происшествий; защиту прав потребителей транспортных услуг; обеспечение безопасности транспортных операций и качество работ и услуг; выявление отклонений в данной сфере деятельности от установленных нормативных правовых актов и внесение в них необходимых поправок и изменений.

Государственный контроль и надзор за соблюдением реализации нормативных предписаний в области функционирования водного транспорта в зависимости от содержания и организационно-правовых форм подразделяется на внешний и внутренний [6, с. 17]. Первый, так называемый надведомственный, осуществляется в отношении объектов, непосредственно не подчиненных контролирующему органу. В свою очередь внутренний, т.е. внутриведомственный, контроль применяется в пределах системы органа государственной власти или иного государственного органа.

Вместе с тем основным предназначением любого вида контроля, безусловно, можно считать выявление и устранение причин и условий, способствующих аварийности на объектах морского и речного водного транспорта, к которым можно отнести такие основные причины, как:

- недостатки в организации ходовой навигационной вахты и штурманской службы на судах;

- несоблюдение общепринятых приемов и способов управления судном;
- неучет гидрометеорологических особенностей района плавания и стоянки судов;
- несоблюдение правил техники безопасности;
- невыполнение требований, установленных в нормативных документах по безопасности судоходства;
- судоводительские ошибки, в том числе выбор неудачного маневра, ошибка в ориентировке.

В целом современное использование транспортного комплекса российского государства с учетом его геополитического расположения и усиление объемов функционирования водной транспортной инфраструктуры обуславливает необходимость выработки единого комплексного подхода, направленного на создание и совершенствование организационных и правовых основ, способствующих снижению уровня аварийности и повышению эффективности реализации государственной политики в рассматриваемой сфере.

Литература

1. Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 7 марта 2001 г. № 24-ФЗ (ред. от 01.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 11. Ст. 1001.

2. Распоряжение Правительства РФ от 30 июля 2010 г. № 1285-р (ред. от 11 декабря 2013 г.) «Об утверждении Комплексной программы обеспечения безопасности населения на транспорте» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 32. Ст. 4359; Приказ Росморречфлота от 11 мая 2016 г. № 59 «Об утверждении перечней вопросов, подлежащих применению органами аттестации (аттестующими организациями) для проверки соответствия знаний, умений и навыков аттестуемых лиц требованиям законодательства Российской Федерации о транспортной безопасности при проведении аттестации сил обеспечения транспортной безопасности на морском и внутреннем водном транспорте» (зарегистрировано в Минюсте России 6 июня 2016 г. № 42425); Постановление Правительства РФ от 15 апреля 1996 г. № 480 (ред. от 28 декабря 2016 г.) «Об утверждении федеральной целевой программы «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2018 года» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 2007.

3. *Завьялов Ю.Л.* Транспортная безопасность на внутреннем водном транспорте: анализ, проблемы, пути решения // Транспортная безопасность и технологии. 2007. № 4. С. 104.

4. *Мотин В.В., Трофимов О.Е.* Проблемы обеспечения безопасности на водном транспорте // Административное и муниципальное право. 2013. № 6. С. 607-611.

5. *Скрынник А.М.* Государственный надзор за исполнением законодательства о морской безопасности, безопасности мореплавания и судоходства на внутренних водных путях // Транспортное право. 2008. № 3. С. 24.

6. *Скрынник А.М.* Система государственного контроля и надзора в сфере обеспечения транспортной (морской) безопасности // *Транспортное право.* 2010. № 3. С. 17.

7. <http://sea.rostransnadzor.ru/>

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ В РОССИИ

УДК 343.32

Вородюхин С.Е.,

кандидат исторических наук

(Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье рассмотрено значение слова «экстремизм» в отечественной и зарубежной литературе, выявлены признаки экстремистской деятельности. Автор обобщает и выделяет несколько этапов становления и развития законодательной концепции экстремистской направленности в истории российской государственности. Особое внимание уделено борьбе нашего государства с данной противоправной деятельностью в различные исторические периоды.

Ключевые слова: экстремизм, противоправная деятельность, историко-правовой анализ, терроризм, национальная безопасность.

HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS OF COUNTERACTION TO EXTREMISM IN RUSSIA

Vorodyukhin S.E.,

candidate of historical sciences

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article discusses the meaning of the word «extremism» in domestic and foreign literature, reveals signs of extremist activity. The author summarizes and identifies several stages in the formation and development of the legislative concept of extremist orientation in the history of Russian statehood. Particular attention is paid to the struggle of our state with this illegal activity in various historical periods.

Key words: extremism, illegal activity, historical and legal analysis, terrorism, national security.

Слово «экстремизм» происходит от латинского слова «*extremus*» – «крайний», то есть нечто, что выходит за нормы права. Первым, кто стал употреблять данный термин в политическом аспекте, был Шарль Монтескье, который вкладывал в него негативное значение.

Сам термин «экстремизм» как таковой появился в 1838 г. в многотомном философском словаре немецкого философа Вильгельма Трауготта Круга: «Экс-

тремистами являются те, которые не хотят признавать середину и находят удовольствие в крайностях. Но обычно их называют ультра».

Наше государство, как многонациональная страна, сформировано в соответствии с национально-территориальным и административно-территориальными принципами [5, с. 36]. Актуальность проблемы борьбы с проявлениями экстремизма обусловлена в первую очередь тем, что они посягают на права и свободы человека и гражданина, основы конституционного строя России, целостность и безопасность российского государства.

В юридической литературе понятие «экстремизм» варьируется по-разному. Так, А.Г. Хлебушкин считает, что экстремизм есть противоправная деятельность, осуществление которой причиняет или может причинить существенный вред основам конституционного строя или конституционным основам межличностных отношений [12, с. 110]. Ю.И. Авдеев и А.Я. Гуськов утверждают, что «...экстремизм – это антиобщественное социально-политическое явление, представляющее собой социально и психологически обусловленное идеологически мотивированное использование крайних форм и методов в социально-политических отношениях» [3, с. 12]. Стоит отметить тот факт, что в России признаки экстремистской деятельности появились задолго до самого понятия «экстремизм».

Исследование законодательной базы в сфере противодействия экстремизму, которая существовала на различных этапах развития нашего государства, определило, что уголовная ответственность за преступления, содержащие в себе признаки экстремизма, возникла с момента образования российского государства. К этим признакам можно отнести политическую мотивацию и объект посягательства – государственную безопасность.

Выделим несколько этапов становления и развития законодательной концепции экстремистской направленности в истории российской государственности, которые содержали признаки экстремизма.

Первый этап развития экстремистской направленности в Российском государстве происходит в период появления Русской Правды (1016 г.) и Псковской судной грамоты (1397 г.). В это время признаки экстремистской направленности носили политический аспект и включали в себя угрозу государственной безопасности [10, с. 25]. В данных нормативно-правовых актах за совершение преступлений следовало наказание – вплоть до смертной казни. Ярким примером была измена, восстание против князя и др. В.В. Ревина указывает, что Русская Правда выделяла норму об ответственности за убийство княжеских слуг, в том числе высшего и среднего «звена». В зависимости от занимаемой должности различалось убийство представителей княжеской дружины. Посягательство на жизнь указанных лиц рассматривалось как посягательство на княжескую власть [11, с. 10]. Данный этап развития экстремистской направленности характеризуется неразвитостью регулирования ответственности за экстремистские преступления.

В XV-XVII вв. процесс развития экстремистской направленности связан был с укреплением государственного строя и появлением таких первых кодифицированных актов, как Судебник 1497 г., Судебник 1550 г., Соборное уло-

жение 1649 г., которые содержали в себе нормы, отражающие экстремистские проявления и очерчивающие круг соответствующих деяний, в том числе применение экономических санкций за их совершение [11, с. 25-27]. Так, впервые в российском государстве на законодательном уровне зафиксирована охрана государственной безопасности, подчеркнута важность охраны государственного строя, то есть был выявлен перечень деяний, в которых содержались признаки экстремизма. Так, например, в Судебнике 1497 г. в ст. 9 содержались нормы об ответственности за экстремистское преступление: «...крамольнику, ведомому лихому человеку... живота не дати, казнити его смертной казнию» [8, с. 342].

В период правления Петра I процесс развития экстремистской направленности ознаменован в сфере регулирования уголовно-правовых отношений появлением двух основных нормативных правовых актов, регулирующих весь спектр общественных отношений в России: Артикул воинский Петра I 1715 г. и Морской устав, вступивший в действие в 1720 г., содержащий в себе свод морских военно-уголовных законов. Данные документы впервые зафиксировали законодательное определение верховной власти. В Артикуле воинском глава XVII «О возмущении, бунте и драке» посвящена охране государственного строя. Данный нормативно-правовой акт устанавливал также ответственность за уничтожение или порчу государственных указов и распоряжений [11, с. 11].

В XIX в. происходит формирование правовых основ противодействия преступлениям экстремистской направленности на внутригосударственном уровне. 25 декабря 1825 г. происходит восстание декабристов, целью которого являлось свержение царской власти. Именно в эти периоды влияние экстремизма было сильным. В 1845 г. издается Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (в ред. 1866 и 1885 гг.). Данный документ в своей иерархии ставит на первое место деяние против государства. Первая глава так и называлась – «Государственные преступления». В ст. 251 и 252 Уложения устанавливается ответственность за распространение антигосударственной информации [9, с. 51-52]. Важно отметить, что в исследуемый период времени, помимо Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. как инструмента предупреждения экстремизма, действовали и иные нормативные правовые акты, определявшие задачи, структуру, полномочия специальных служб России, а также права и обязанности чинов полиции и политического розыска по борьбе с различными государственными преступлениями, в том числе с политическим террором [13, с. 25]. Примером может служить Свод уставов о предупреждении и пресечении преступлений.

На смену Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. пришло Уголовное уложение 1903 года, которое продолжило ранее заложенную концепцию в борьбе с экстремизмом. Оно содержало самостоятельный раздел «О государственных преступлениях», который был посвящен непосредственной охране государственных интересов. Его обособление было связано с постоянно прогрессирующими акциями политического террора в начале XX в. Уголовное законодательство царской России характеризуется принципами верховенства императора. Это и явилось следствием угрозы безопасности самому

правителю или его окружению. Важно отметить тот факт, что другие преступления, содержащие в себе признаки экстремизма, таковыми не считались. Это и повлекло их широкомасштабное распространение на исследуемом историческом этапе [9, с. 160-166].

В Советский период понятие «экстремистской деятельности» официально было не закреплено, но это не говорит о том, что ее вообще не было. Так, в Уголовном кодексе РСФСР, который был введен в действие постановлением ВЦИК от 22 ноября 1926 г. [2, ст. 600], понятие экстремизма вообще отсутствует. Однако стоит заметить, что первая глава, которая открывала Особенную часть данного Уголовного кодекса, брала под охрану государственную безопасность. Основу концепции по противодействию экстремизму составила ст. 57, в ней было зафиксировано понятие контрреволюционных преступлений [2, ст. 57]. В Советском Союзе различные проявления недовольства в социальной, политической, экономической сферах идеологами коммунизма объявлялись результатом антинародного воздействия западной пропаганды [4, ст. 498-501]. Приверженцы таких идей и взглядов получали клеймо врага народов и их попытки выразить свое собственное мнение подпадали под ст. 70 УК РСФСР 1960 г., например, «Антисоветская агитация и пропаганда» [1, с. 539]. Стоит заметить, что именно в жестком контроле со стороны государства наблюдается положительная роль с точки зрения предупреждения проявлений экстремизма.

В начале 90-х г. в России происходит существенная трансформация в политической, экономической и социальной сферах. Приоритетом для государства стали выступать не общегосударственные, а национальные интересы.

Именно экономический интерес явился главным фактором резкого всплеска и распространения экстремизма в нашем государстве. Основанием для его возникновения служили прежде всего экономические интересы организованных преступных групп, которые тесно были связаны с различными финансовыми структурами как в России, так и в других странах. С опорой на незаконные вооруженные формирования устанавливались выгодные для них условия и решались их важные задачи [7, с. 96].

В условиях современной России происходит процесс появления развитого законодательства, регламентирующего ответственность за преступления экстремистской направленности. К ним, прежде всего, относится УК РФ, ФЗ от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и ряд других нормативно-правовых актов.

В РФ термин «экстремизм» в большей степени сводится к его проявлению в религиозной сфере. Однако терроризм в XXI в. явился одной из распространенных форм экстремизма в современных условиях.

Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» закрепил комплекс мер для предотвращения угроз национальной безопасности в РФ.

Таким образом, историко-правовой анализ противодействия экстремизму в России определил, что уголовная ответственность за преступления, содержащие в себе признаки экстремизма, возникла с момента образования российско-

го государства. К этим признакам можно отнести политическую мотивацию и объект посягательства – государственную безопасность. Важно отметить, что на протяжении различных исторических этапов развития нашего государства основным фактором, негативно влияющим на качество противодействия преступлениям экстремистской направленности, являлось отсутствие четкого дифференцированного определения признаков этих деяний, которые позволили бы их отличать от смежных преступлений.

Литература

1. Закон СССР от 25 декабря 1958 г. «Об уголовной ответственности за государственные преступления» // Свод законов СССР. 1990. Т. 10. С. 539 (утратил силу).
2. Уголовный кодекс РСФСР от 22 ноября 1926 года // Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 80 (утратил силу).
3. *Авдеев Ю.И., Гуськов А.Я.* Современный экстремизм: понятие, структура, связь с терроризмом / Экстремизм и другие криминальные явления: сборник статей. – Москва: Российская криминологическая ассоциация, 2008. – 239 с.
4. *Бидова Б.Б.* Историко-правовые аспекты феномена экстремизма в России // Молодой ученый. 2013. № 5. С. 498-501.
5. *Доника Е.Е.* О некоторых проблемах противодействия экстремизму в России на современном этапе // Труды Академии управления МВД России. 2008. № 3. С. 34-38.
6. *Екимов С.О.* Административная деятельность органов внутренних дел: учебник / под ред. В.П. Сальникова. – Москва: Наука, 2005. С. 271.
7. *Павлинов А.В.* Криминальный антигосударственный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2008. – 584 с.
8. Памятники русского права / под ред. Л.В. Черепнина. – Москва, 1955. Вып. 3: Судебник 1497 года. С. 342.
9. *Петрянин А.В.* Гносеологические предпосылки возникновения и развития законодательной концепции в области противодействия деяниям, содержащим в себе признаки экстремизма, в России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 1 (29). С. 160-166.
10. *Петрянин А.В.* Противодействие преступлениям экстремистской направленности: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2014. – 501 с.
11. *Ревина В.В.* Ретроспективный анализ уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за преступления экстремистской направленности // Российский следователь. 2009. № 14. С. 8-12.
12. *Хлебушкин А.Г.* Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ. – Саратов, 2007. – 160 с.
13. *Яковлев Л.С.* Историко-правовые аспекты борьбы с терроризмом в дореволюционной России: учебное пособие. – Москва: ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2005. – 47 с.

«ЯЗЫК ВРАЖДЫ» КАК СПОСОБ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА В СОВРЕМЕННОМ ДИСКУРСЕ

УДК 811.1/.8

Воронцова Ю.А.,

кандидат филологических наук, доцент
(Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье рассматривается «язык вражды» как междисциплинарное понятие, описываются особенности функционирования «языка вражды» в современном дискурсе.

Ключевые слова: «язык вражды», речевая деятельность, экстремизм, лингвистическая экспертиза.

«ENMITY LANGUAGE» AS THE METHOD OF DISPLAYING EXTREMISM IN THE MODERN DISCOURSE

Vorontsova Ju.A.,

the candidate of philological sciences, associate professor
(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article review as interdisciplinary concept and describes the features of functioning «enmity language» in a modern discourse.

Key words: «enmity language», speech activity, extremism, verbal aggression, linguistic expertise.

Языковой экстремизм – это внедрение в сознание человека негативных речевых стереотипов, которые приобретают воспроизводимый, устойчивый характер; призывают или побуждают к осуществлению, возбуждают, провоцируют или руководят противозаконными действиями экстремистского направления. «Экстремизм проявляется чаще всего как речевая деятельность, т.е. как мотивированное определенными интенциями (враждой, ненавистью, агрессией) и коммуникативными целями (нанести оскорбление, унижить, причинить нравственный вред) порождение текстов, форма и содержание которых таковы, что эти коммуникативные цели и интенции адекватно интерпретируются адресатом [12, с. 62-63].

Коммуникативный эффект экстремистских материалов обозначен в законе понятиями «вражда», «ненависть», «рознь», которые определяются в лингвистике как дискурс враждебности, имеющий обозначения: «язык вражды», «риторика ненависти» «речь ненависти» (англ. hate speech), «речевая агрессия», «вербальная агрессия», «словесный экстремизм», «речевая демагогия», «речевой (языковой) конфликт», «речевое насилие», «речевая (языковая) манипуляция» и др. «Язык вражды» становится все более частым явлением в современной речевой практике, он активно используется не только в публичном, но и в

повседневном общении. Поэтому «язык вражды» стал предметом многочисленных научных исследований, причины этого явления изучаются с разных позиций: политико-правовых, социально-экономических, лингвокультурологических, коммуникативных, прагматических, когнитивных и др. [см.: 1, 2, 4, 5, 6, 8, 9 и др.]. В данной статье мы обратимся к «языку вражды» как одному из способов проявления экстремизма в современном дискурсе.

Законодательством регулируются речевые действия, которые относятся к «языку вражды». Например, в праве четко обозначен общий семантический компонент, устанавливающий мотив ненависти и «языка вражды» (ФЗ от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»; ст. 280 УК РФ, ст. 282 УК РФ, ст. 63 п. «е» УК РФ). «Речевые действия признаются наказуемым «языком вражды», если квалифицируют смысловые доминанты: «терроризм», «рознь», «исключительность/превосходство/неполноценность», «ненависть», «вражда»; включают атрибутивные элементы: «национальный», «религиозный», «социальный» (или «по признаку принадлежности к социальной группе»), «расовый» (или «по признаку расы»), «языковой» (или «про признаку языка»), «по признаку пола», «происхождение», «отношение к религии», «политический», «идеологический»; содержат языковые элементы, отражающие действие: «оправдание», «возбуждение», «унижение достоинства», «пропаганда», «демонстрирование», а также «призыв» [7, с. 11]. Указанные элементы должны иметь признак публичности и нацеленность на оказание влияния на социум или какую-либо его часть.

В лингвистике «язык вражды» определяется как совокупность речевых средств, используемых для возбуждения ненависти, а также направленных на унижение достоинства человека, выражающих явно негативное отношение к таким явлениям общественной жизни, как этническая, религиозная и другие идентификации [см. подр.: 11, с. 448; 13, с. 274]. Понятия хорошо/плохо, свой/чужой, друг/враг, негативное значение высказывания, обязательная адресация являются необходимыми компонентами «языка вражды».

Как видно, термин «язык вражды» является междисциплинарным, т.к. содержит в себе лингвистические и юридические характеристики явлений, включающих понятия «ненависть» и «вражда».

Отметим, что речевой фактор является одним из значимых в определении отдельных видов экстремистской деятельности. В связи с этим для решения лингвистических проблем, связанных с применением законодательства Российской Федерации об экстремизме, необходимо выявить особенности функционирования и способы реализации «языка вражды» в современном дискурсе, поскольку «магическая сила человеческой речи заключается не только в умении аргументировать и дискутировать, но и акцентировать и пропагандировать, руководить действиями других людей путем выставления унижительных или положительных оценок, вынесения суждений, выгодной манипуляции или эффективной мотивации» [3, с. 8].

Враждебный дискурс всегда имеет определенную прагматическую направленность, т.е. внушается мысль о противопоставленности кому- или чему-

либо, а также осуществляется возбуждение агрессии к лицу или группе лиц по принципу социальной, этнической, религиозной или языковой принадлежности. Поэтому к «языку вражды» относятся речевые средства, выражающие явным образом (эксплицитно и экспрессивно) ненависть, враждебность, нетерпимость, которые направлены на оскорбление, унижение национального достоинства, религиозных или иных чувств оппонента.

Например, использование императива в функции угрозы: «Эй, Россия не Кавказ, танцуй в ауле ...». «Нужно мочить всех грузин, армян и негров, они не люди!». «Бей чурбанов!». «Бей черных!». «Чурки, вон из России!». «Убивай хача, мочи хача!». «Если ты русский, голосуй!». «Давайте поддерживать рождаемость русских! Гоните всех нерусей!». «Россия для русских! Остановим черных?!». Подобные высказывания выражают в лаконичной форме требование, чтобы адресат совершил какое-либо действие. Они не предлагают поиск решения проблемы, а дают однозначное, четкое указание, как надо поступать.

Высказываний типа: «Ты чукча? Русского языка не понимаешь?». «Ты не русский?». «Я русская. Чем горжусь! А ты?». «Кто ты? Русский? Украинец?». «Чурбаны – это отдельные омерзительные граждане с Кавказа и с ними надо бороться». «Киргизы – ослы». «Таджики всегда были ворами и жуликами». «Азербайджанцы всегда были баранами». «Все цыгане воры». «Цыгане – основные поставщики наркотиков». «Чеченцы – бандиты и террористы». «Русские – хорошие, добрые, терпеливые, умные, а чурбаны – плохие, злые, вспыльчивые, тупые» с целью упрекнуть, обидеть, унижить адресата. В данном случае показателями «языка вражды» является лексика инвективного характера, с помощью которой отдельным этносам приписываются отрицательные свойства и качества, что способствует созданию и подкреплению негативного этнического стереотипа, отрицательного образа нации, религии. В таких случаях оскорбление по этническому и религиозному признаку является самым очевидным языковым способом проявления ксенофобии.

Ненормативные этнонимы, содержащие негативную оценку представителей называемых этносов: *хач, хачик, урюк, москаль, хохол, чурка* и т.п., «имеют в разной степени резкую отрицательную окраску, в которой отражается негативное – язвительно-насмешливое, пренебрежительное, уничижительное, презрительно-ироническое и т.п. – отношение носителей русского языка к представителям некоторых этносов» [10, с. 47]. Обратим внимание, что лексемы типа *хачик, хач* (от распространенного армянского имени Хачик); *азиат* (собирательное название для обозначения коренного населения Азии), *кавказец* (уроженец Кавказа; человек, принадлежащий к одной из кавказских народностей) не являются ненормативными этнонимами, но если эти лексемы употребляются в значении «нецивилизованность, некультурность, невоспитанность, необразованность», то они могут восприниматься как оскорбление, направленное на формирование негативного образа нации. С одной стороны, уничижительные номинации этносов, такие как *даг, азер, жид, косоглазый, узкоглазый, чурбан, татарва, нерусь, хохол, москаль* и т.п. всегда отражают нетерпимость говорящих к лицам другой национальности и чаще всего используются для оскорбле-

ния. С другой стороны, семантика некоторых высказываний часто определяется коммуникативной ситуацией, например, из-за расплывчатости значения лексем типа: *хач, хачик, черный, чурбан, чурка* могут использоваться как с иронией, в шутку, так и с агрессией. Например, высказывание: *Они, как два чурбана, не хотят мириться* (ср.: *чурбан* – о бестолковом, глупом или черством человеке) в данном контексте не направлено на разжигание межнациональной розни, вражды, на унижение достоинства лица по национальному признаку.

Итак, экстремизм является сложной и неоднородной формой выражения ненависти и вражды, он обладает большой общественной опасностью. «Язык вражды» представляет собой высказывания, которые содержат конфликтогенные речевые средства, подразумевающие негативную оценку всех представителей некоторой социальной общности, объединенной по национальному признаку, религиозной принадлежности и т.п. Для «языка вражды» характерно использование текстов, утверждающих неполноценность (например, недостаток культурности, интеллектуальных способностей и т.п.); упоминающих этнические или религиозные группы в унижительном или оскорбительном контексте. Подобные высказывания основываются на стереотипных когнитивных описаниях, отрицательных установках и интенциях по отношению к каким-либо этническим или религиозным группам.

Литература

1. *Верховский А.М.* Язык вражды против общества: сб. статей / сост.: А.М. Верховский. – Москва, 2007. – 259 с.
2. *Верховский А.М.* Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ. – Москва, 2002. – 200 с.
3. *Галяшина Е.И.* Лингвистика vs экстремизма: В помощь судьям, следователям, экспертам / под ред. проф. М.В. Горбаневского. – Москва, 2006. – 96 с.
4. *Грищенко А.И., Николина Н.А.* Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды / Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности: коллективная монография. Труды Уральского МИОНа. Вып. 20 / отв. ред. И.Т. Вепрева, Н.А. Купина, О.А. Михайлова. – Екатеринбург, 2006. С. 175-187.
5. *Губаева Т.В.* Практические проблемы судебной экспертизы по делам об экстремизме / Юрислингвистика-11: Право как дискурс, текст и слово: межвузовский сборник научных трудов. – Барнаул, 2011. С. 333-342.
6. *Губаева Т.В.* Судебная экспертиза по делам об экстремизме // Вестник экономики, управления и права. Сер. 2. Право. Вып. 7. – Казань, 2006. С. 303-315.
7. *Денисова А.В.* Дискурсивный аспект исследования лингвистической экспертизы (на материале «языка вражды»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2009. – 24 с.
8. *Дубровский Д.В.* [и др.]. Язык вражды в русскоязычном Интернете: материалы исследования по опознаванию текстов ненависти. – Санкт-Петербург, 2003. – 72 с.

9. Кроз М.В., Ратинова Н.А. Экспертная оценка материалов, направленных на возбуждение вражды и ненависти. – Москва, 2005. С. 75-92.

10. Крысин Л.П. Ненормативные этнонимы: проблема словарного описания // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 1. С. 46-56.

11. Кузнецова В.В., Соколова Е.Е. Свобода слова и язык вражды в российских СМИ // Социальные варианты языка: материалы Международ. науч. конференции. – Нижний Новгород, 2004. С. 448-450.

12. Мишланов В.А. Законодательство РФ об экстремизме и задачи лингвистической экспертизы текстов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 3(19). С. 62-69.

13. Соколова Е.П. Агрессивные тенденции в российских СМИ как проявление особенностей политической культуры // Вестник СПбГУ. 2010. Сер. 9. Вып. 4. С. 274-280.

ОРГАНИЗАЦИЯ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

УДК 342.2

Дергилева С.Ю.,

кандидат юридических наук

(Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье рассматриваются организационно-правовые аспекты борьбы с терроризмом в Российской империи в начале XX века. Рассмотрены правовые основания деятельности политической полиции Российской империи по борьбе с терроризмом, а также определена организация органов политической полиции. Проанализированы направления деятельности охранных отделений.

Ключевые слова: Российская империя, терроризм, политическая полиция, охранные отделения, Департамент полиции, Министерство внутренних дел Российской империи, Отдельный корпус жандармов.

THE ORGANIZATION OF THE FIGHT AGAINST TERRORISM IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE EARLY XX CENTURY

Dergileva S.Yu.,

candidate of jurisprudence sciences

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article discusses the legal aspects of combating terrorism in the Russian Empire in the early twentieth century. Examines the legal grounds for activi-

ties of the political police of the Russian Empire on struggle against terrorism, and defined the organization of the political police. The author analyzed the trends of activities of the security Departments.

Key words: Russian Empire, terrorism, political police, security Departments, Department of the police, The Ministry of internal Affairs of the Russian Empire, Detached Corps of Gendarmes.

В последние годы терроризм является серьезной угрозой не только для Российской Федерации, но и для всего мирового сообщества. Акты терроризма характеризуются высоким качеством планирования, изощренностью способов их осуществления, использованием современной техники, оружия и других технических средств. Все эти факторы обуславливают необходимость каждого государства создавать эффективную систему борьбы с террористической деятельностью.

Проблема борьбы с терроризмом не является новой для России. Терроризм зародился в Российской империи в 70-е годы XIX века. Исторический опыт борьбы с этим негативным явлением в России в конце XIX – начале XX века сегодня приобретает особое значение, так как именно тогда была создана система государственных органов, осуществлявших борьбу с террористическими проявлениями в обществе. Опыт прошлого позволяет учесть негативные и позитивные факторы борьбы с терроризмом и создать эффективную систему противодействия этому явлению.

Начиная с 70-х годов XIX века, складывающаяся политическая ситуация в Российской империи способствовала распространению терроризма. Значительная часть общества (молодое поколение, интеллигенция) воспринимали феномен терроризма положительно, что способствовало его укоренению в обществе [9, с. 73-74]. Для борьбы с распространяющимся терроризмом в обществе была создана система государственных органов, в которую входили органы политической полиции Российской империи и другие структуры, подчиняющиеся Императору.

Существовавшая до 1917 года в Российской империи система национальной безопасности, грандиозная по своему размаху, в целом позволяла справляться с возникающими угрозами безопасности страны, была способна активно и действенно бороться с нарастающим революционным движением.

Основным органом, который осуществлял борьбу с государственными преступлениями, являлось Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, которое было учреждено 3 июля 1926 года и являлось новым органом политической полиции Российской империи. Исполнительным органом Третьего отделения являлся Отдельный корпус жандармов. В составе корпуса создавался Наблюдательный состав, который занимался сбором информации о политической обстановке в обществе [7, с. 12].

Отдельный корпус жандармов состоял из главного управления, губернских жандармских управлений, жандармских управлений железных дорог и других подразделений. Первые губернские жандармские управления были созданы в 1867

году. В их компетенцию входила такая деятельность, как политический розыск и производство дознаний по государственным преступлениям [8, с. 222].

Определяющую роль в тех успехах, которые были достигнуты в деле борьбы с революционным терроризмом, сыграли *отделения по охранению общественной безопасности и порядка*, или, как они впоследствии стали сокращено называться, *охранные отделения*. Охранное отделение было создано в 1866 году петербургским градоначальником после покушения на Александра II как орган, ведавший политическим сыском, его численность составляла 12 человек. Охранное отделение с 1880 года подчинялось Департаменту полиции Министерства внутренних дел. Позднее были образованы охранные отделения в Москве и Варшаве [4, с. 83]. Однако сфера деятельности революционных организаций уже вышла за границы названных городов.

В своей деятельности охранные отделения эффективно взаимодействовали с жандармскими управлениями, так как они имели аналогичные функции по проведению арестов, дознания и производства следствия по делам о государственных преступлениях. Главной задачей охранных отделений являлся розыск по политическим делам [6, с. 205].

После того как в марте 1887 года петербургскому охранному отделению удалось предупредить покушение на Александра III, авторитет «охранки» значительно возрос, и скоро почти в каждом губернском городе появилось свое охранное отделение. Охранные отделения были признаны одним из наиболее действенных структурных элементов системы противодействия антигосударственному терроризму и обеспечения безопасности Российской империи. Механизм современного антигосударственного терроризма в нашей стране схож с механизмом развития террора в дореволюционной России. Закономерно, что наши предшественники сталкивались с теми же проблемами, что и мы сегодня. Именно поэтому опыт борьбы с терроризмом в дореволюционной России имеет особое значение для России современной.

В этой связи значительный интерес представляют механизмы предупреждения и пресечения терроризма. Эффективность антитеррористической деятельности охранных отделений зависела от организации оперативно-разыскной работы, которая проводилась по трем направлениям: *агентурная работа (внутреннее наблюдение)*, *филёрская служба (наружное наблюдение)* и *перлюстрация писем*. Внутреннее наблюдение позволяло получать самые ценные сведения, добывать их изнутри террористической организации. Наружное наблюдение (филёрская служба) подтверждало и развивало данные внутренней агентуры. Перлюстрация писем способствовала установлению личностей террористов [3].

Путем анализа всех сведений и сопоставления их с показаниями арестованных, воспроизводилась картина отдельных революционных деятелей и их организаций. Постановка внутреннего наблюдения отличалась сложностью организации по сравнению, с организацией наружного наблюдения, так как в связи с начавшейся консолидацией революционных сил усилилось значение внут-

ренного наблюдения, необходимо было быстро приспособливаться к изменяющимся формам революционной деятельности.

В 1907 году был издан обобщающий нормативный документ, освещающий деятельность внутренней агентуры политической полиции, – «Инструкция по организации и ведению внутреннего секретного наблюдения», которая была выслана начальникам районных охранных отделений.

Инструкция не давала прямых рекомендаций по существу агентурной деятельности. Эти вопросы оставались на рассмотрении местных органов политической полиции. Следует заметить, что в ней впервые оговаривались нефиксированные взаимоотношения между агентом и полицией. В 41 пункте оговаривалась особенность работы, которым со временем предавалось все большее значение, необходимо было подробно знать программу наблюдаемой партии, ее дела. Для чего «секретные сотрудники должны состоять членами одной из революционных организаций (о которых они дают сведения) или, по крайней мере, тесно соприкасаться с серьезными деятелями таковых, так как только тогда сведения их будут ценны» [5, с. 54-57].

Агентурная деятельность пережила взлет и падение, что неразрывно связано с развитием Департамента полиции. Понимание в необходимости секретных сотрудников и закрепление этого в инструкциях позволило поднять эффективность борьбы с революционным террором на высокий уровень. Департамент полиции, с развитой агентурной сетью, с небывалой информированностью оставался примером для секретных служб иностранных стран. Однако личностный фактор в его развитии, связанный, по-видимому, со слабостью связей охранного отделения с другими государственными институтами, в том числе и силовыми, привел к тому, что потеря контроля над армией, главной опорой государственности, осложнила возможность ее использования для разрешения внутривнутриполитических проблем, связанных с нарастанием новой революционной ситуации.

Следующим важным звеном розыска, кроме секретных сотрудников, являлись *агенты наружного наблюдения*, или *филёры*. Наружное наблюдение считалось средством вспомогательным и использовалось «...при строгом сообразовании с указаниями внутренней агентуры на значение наблюдаемых лиц и намеченных филёрами событий». Их роль состояла в выслеживании революционеров в общественных местах, выяснении их «деловых связей» и круга знакомств. На наиболее интересных для наблюдения лиц заводился специальный дневник, в котором имелись графы: «кличка», «установка», «местожительство», «от кого взят», «с кем виделся», «куда заходил», «кто его посетил и когда». Когда интересуемое лицо «устанавливалось», составлялась картограмма: в центре – имя и кличка фигуранта; первый концентрический круг – учреждения, которые он посещает; второй концентрический круг – лица, которых он посещает. Так создавалось некое подобие солнечной системы. С «ликвидацией», т.е. арестом самого «солнца», оканчивалась и ведомость о нем. Имея такую картограмму, заведующий секретной агентурой, внося в круг знакомств фигуранта своего агента, превращал наблюдение наружное в наблюдение внутреннее. При этом филёры не должны были входить в контакт с наблюдаемыми. Иногда им поручалось задержание террори-

стов с целью предупреждения вооруженного сопротивления при арестах их на квартирах. Филеры могли маскироваться под торговцев, посыльных, велосипедистов и извозчиков. Конечно, подобная работа требовала выносливости и сметливости. Ибо плох тот филер, который дает себя обнаружить наблюдаемому.

Инструкция по организации наружного наблюдения предъявляла к кандидатам на службу довольно высокие требования относительно морально-нравственных и профессиональных качеств. Филер должен быть политически благонадежным, твердым в своих убеждениях, честным, трезвым, смелым, ловким, сообразительным, терпеливым, настойчивым, осторожным, правдивым, откровенным, дисциплинированным, выдержанным, уживчивым, должен серьезно и сознательно относиться к делу и принятым на себя обязанностям, должен обладать крепким здоровьем, хорошим зрением, слухом и памятью, а также иметь такую внешность, чтобы не выделяться из толпы и быть неприметным для наблюдаемого. Регламентировала она и порядок действий филера в различных ситуациях: при ведении наблюдения в пешем и конном (в роли извозчика) порядке, сидя в пивной или трактире, на выезде и др. [1; 2].

Агентурные донесения и наружные наблюдения не являлись единственными источниками информации. Не менее важным делом была *перлюстрация писем*, поставленная очень искусно. Некоторые письма просто конфисковывались, другие фотографировались, причем негатив ждал, пока придет следующее письмо, с третьих снималась только неразборчивая подпись. Вплоть до революции 1917 года перлюстрацией ведал один и тот же чиновник, которого знали только министр Министерства внутренних дел, директор Департамента полиции и очень немногие близкие ему лица. Письма для вскрытия отбирались по адресам или по наружным признакам, но зачастую наугад. Особенно это касалось писем, присланных из-за границы. Письма революционеров-террористов подвергались действиям различных кислот в целях проявления секретного текста, расшифровывались, копировались и отсылались местным розыскным органам для выяснения и проведения дальнейших мероприятий. Данные перлюстрации служили только для розыска как добытые «негласным путем» и на дознаниях не использовались. Перлюстрация возлагалась на почтовое ведомство. В функции охранного отделения и вообще Корпуса жандармов перлюстрация не входила. Если же жандармы и занимались ею, то только скрытно от начальства.

Распространенным и действенным методом в борьбе с терроризмом, применяемым сотрудниками секретной службы, являлась провокация. Провокатором являлся «полицейский агент, который своими действиями побуждал, подстрекал разрабатываемых лиц к невыгодным для них действиям с целью их разоблачения и ареста» [9, с. 75].

В расследовании преступлений политического характера участвовал также личный состав жандармских полицейских управлений железных дорог, располагавших собственной агентурной сетью. Борьба с терроризмом осуществлялась полицейским аппаратом Российской империи.

Таким образом, агентурные сведения, данные наружного наблюдения и перлюстрация писем – эти три кита оперативно-розыскной деятельности – по-

зволяли охранным отделениям получать ценнейшие сведения о деятельности террористов. Работа политической полиции в конце XIX – начале XX вв. была поставлена таким образом, что позволяла держать под надзором большинство революционных организаций террористического толка, иметь вполне отчетливое представление как о предпринимаемых революционерами действиях, так и об их планах, и даже более того – с успехом влиять и на то, и на другое. Организованный таким образом политический сыск представлял серьезную угрозу для революционного движения и парализовывал действия террористов. Охранные отделения в масштабе страны вели неусыпный учет всех действовавших террористических организаций и существовавших революционных партий. На этом учете состояли все граждане и обыватели многомиллионной России.

Несмотря на положительные тенденции в борьбе с терроризмом, жертвами террора становились тысячи государственных и общественных деятелей, служащих и простых граждан. В научной литературе содержатся различные сведения о числе жертв террора. Выступая на заседании Государственной думы, П.А. Столыпин сообщил, что только с октября 1905 года по апрель 1906 года по политическим мотивам в стране было убито 288 служащих, 383 ранено [10, с. 27]. Данные факты доказывают, что созданная разветвленная система органов по борьбе с терроризмом, усиление мер борьбы с этим явлением так и не смогли разрешить комплекс существовавших проблем, к которым следует отнести отсутствие единой стратегии, отсутствие на руководящих должностях профессионалов-специалистов, отсутствие единой законодательной базы и согласованной деятельности между различными органами и их отделениями.

Литература

1. Инструкция начальникам охранных отделений по организации наружного наблюдения. 1907 г. – Санкт-Петербург, 1908.
2. Инструкции по организации наружного (филерского) наблюдения 1907 г. – Санкт-Петербург, 1908.
3. Инструкция по организации и ведению внутренней агентуры. 1914 г. / Агентурная работа политической полиции Российской империи: сб. документов. 1880-1917 / сост. Е.И. Щербакова; под ред. Г.А. Бордюгова. – Москва: АИ-РО-XXI; Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2006.
4. *Гугасари Е.С.* Охранные отделения в борьбе с антигосударственным терроризмом Российской империи в конце XIX – начале XX веков // Юристы-правоведь. 2012. № 3 (52). С. 83-87.
5. *Заварзин П.П.* Работа тайной полиции // Охранка: Воспоминания руководителей политического сыска: в 2-х т. – Москва: Новое литературное обозрение, 2004. Т. 1.
6. *Калинин Н.В.* Деятельность охранных отделений (конец XIX – начало XX в.) // Известия вузов. Правоведение. 2008. № 2. С. 203-211.
7. Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX века). – Москва, 2001.

8. Полиция России: документы и материалы. 1718-1917 гг. / сост. А.Я. Малыгин, Р.С. Мулукаев, Б.В. Чернышев, А.В. Лобанов. – Саратов, 2002.

9. Руденок К.В. Система государственных органов по борьбе с терроризмом в Российской империи и Российской Федерации (сравнительно-правовой анализ) // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2 (34). С. 73-78.

10. Столыпин П.А. Речи в Государственной думе и Государственном совете. – Нью-Йорк, 1990.

ПРОБЛЕМА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

УДК 94:355.48

Зайцев В.А.,

кандидат юридических наук

(Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье указывается на проблему межнациональных конфликтов, имеющих место быть в Российской Федерации. Перечислены основные причины возникновения межнациональных, межэтнических и религиозных конфликтов, а также опасность последствий такого рода конфликтов. Предложены возможные меры по недопущению, предупреждению межнациональных конфликтов, ксенофобии.

Ключевые слова: межнациональные конфликты, предупреждение межнациональных конфликтов, миграция, ксенофобия, толерантность, адаптация, интеграция.

THE PROBLEM OF PREVENTING ETHNIC CONFLICTS

Zaitsev V.A.,

candidate of jurisprudence sciences

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: in the article the problem of inter-ethnic conflicts taking place in the Russian Federation. Lists the main causes of ethnic and religious conflicts and the danger of the consequences of such conflicts. Proposed measures to avoid, prevent inter-ethnic conflicts, xenophobia.

Key words: ethnic conflicts, prevention of ethnic conflicts, migration, xenophobia, tolerance, adaptation, integration.

На протяжении всей своей истории человечество сталкивалось с проблемой межэтнических конфликтов, основанных, как правило, на религиозной почве. В разные времена имело место столкновение взглядов и представлений о Боге, что порождало противостояние, а зачастую и открытую вражду. Но конфликты между людьми возникали не только на теологической почве, но они были так же связаны со столкновениями национального, культурного и характера. Сколько бы государства не коммуницировали между собой при переезде группы населения в другой ре-

гион возникали проблемы с адаптацией на новой территории, а что еще важнее, интеграцией, в новое для себя, общество. Любопытно, что на рубеже XX-XXI веков США и страны Западной Европы, некогда гордившиеся своей миграционной политикой, столкнулись с проблемой интеграции мигрантов в общество, что несет в себе все большие и большие межэтнические конфликты.

Распад СССР на независимые самостоятельные республики породил ряд столкновений между бывшими соотечественниками на национальной почве. Процесс правопреемства стал своего рода катализатором в розжиге ненависти на национальной, этнической и даже религиозной почве между когда-то братскими народами Союза. Российская Федерация, к сожалению, не стала исключением. В последние годы на территории нашей страны прослеживается увеличение случаев проявления мигрантофобии, ксенофобии и нетерпимости, что довольно часто используется экстремистски настроенными националистами, стремящимися трансформировать любой, порой даже незначительный, бытовой конфликт в разряд межэтнических противоречий.

Россия представляет собой одно из крупнейших полиэтнических (многонациональных) государств мира. На территории нашего государства проживают представители 194 национальностей и народностей. Как правило, народы, населяющие Россию, с течением времени формировались на территории современного Российского государства и внесли свой значительный вклад в развитие российской культуры и государственности в целом. Многогранность идей и крепость духа населения нашей страны всегда формировалось благодаря толерантности, терпимости к национальной культуре и традициям народов ее населявшим.

Однако в настоящее время сфера межнациональных отношений имеет ряд нерешенных проблем, вызванных равно как глубокими общественными преобразованиями при формировании в современной России рыночной экономики и свободного открытого общества, так и некоторыми просчетами в государственной национальной политике России. По-прежнему являются актуальными проблемы, связанные с проявлениями межэтнической нетерпимости, ксенофобии, этнического и религиозного экстремизма и даже терроризма [1].

С. Хантингтон – американский политолог утверждает, что XXI век станет веком столкновения цивилизаций: линии разломов между цивилизациями станут линиями будущих фронтов. Вооруженные конфликты между группами, принадлежащими к разным цивилизациям, станут наиболее вероятным и опасным источником напряженности, а также потенциальным источником мировых войн [2].

Россия – государство многоконфессиональное и многонациональное. Предостережение профессора С. Хантингтона должно быть воспринято нами самым серьезным образом.

На развитие межэтнических (межнациональных) и национальных отношений влияет ряд негативных факторов:

- 1) размывание традиционных нравственных ценностей многообразия народов России;
- 2) высокий уровень имущественного и социального неравенства, региональной экономической дифференциации общества;

3) проявления дискриминации в правоприменительной практике по отношению к гражданам различных национальностей;

4) высокий уровень преступности и правовой нигилизм, коррупция на всех уровнях властной среды;

5) повсеместное распространение негативных стереотипов в отношении некоторых народов и этнических групп России;

6) недостаточность культурно-просветительских и образовательных мер по воспитанию культуры межэтнического (межнационального) общения, формированию российской гражданской идентичности, изучению традиций, культуры и истории народов России, их опыта солидарности в укреплении государства и защиты нашего общего Отечества;

7) недостаточная урегулированность миграционных процессов, вопросов культурной и социальной адаптации и интеграции мигрантов, не позволяющая в должной мере обеспечить настоящие и будущие потребности социального, экономического и демографического развития государства, а также интересы работодателей и российского общества в целом;

8) недостаточный уровень межуровневой и межведомственной координации в сфере реализации национальной государственной политики России, включая профилактику экстремизма и особенно его крайней формы – терроризма, путем раннего предупреждения межнациональных, межэтнических и религиозных конфликтов на региональном уровне;

9) влияние факторов, имеющих трансграничный или глобальный характер, таких как нерешенность проблем вынужденных переселенцев и беженцев, унифицирующее влияние глобализации на локальные культуры, экспансия религиозного экстремизма и международного терроризма, нелегальная миграция, организованная преступность на международном уровне.

В этой связи нельзя не отметить, что присутствие в Российской Федерации многочисленных групп иностранцев, успешно пользующихся правом безвизового въезда в нашу страну, способствует возникновению незаконной (нелегальной) миграции, а, как известно, именно находящиеся на территории государства на незаконных основаниях лица наиболее склонны к ведению антисоциального образа жизни, совершению преступлений и правонарушений, чем зачастую провоцируют межэтнические (межнациональные) конфликты.

Молодежь, составляющая особую группу риска, как правило, не готовая гармонично интегрироваться в силу правового нигилизма, слабого владения русским языком, отсутствия толерантных взглядов в социально-культурное пространство современного российского общества, также испытывает проблемы с адаптацией. Мигранты, лишённые возможности интегрироваться в современное российское общество, становятся объектом религиозной пропаганды, а порой даже вербовки со стороны экстремистов и террористических организаций, как следствие, растут радикальные настроения в сфере межнациональных, межэтнических и религиозных противоречий.

Выстраивание грамотной государственной политики профилактики и преодоления межэтнических (межнациональных) конфликтов требует понимания не только сущности этих конфликтов, но и их конкретных форм и проявлений [3].

Преодоление и профилактика межнациональных конфликтов становятся задачей сохранения территориальной целостности и суверенитета Российской Федерации. Данная задача решается на основе конституционных принципов федерализма и демократии, принципов патриотизма, единства и социальной справедливости, стабильного и суверенного развития Российской Федерации, уважения национального достоинства народов, ее населяющих.

Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации формулирует базовые принципы преодоления и профилактики межнациональных (межэтнических) конфликтов. В их числе можем выделить:

- искоренение и предотвращение любых форм дискриминации по признакам расовой, социальной, языковой, религиозной или национальной принадлежности;
- равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, пола, языка, происхождения, национальности, должностного и имущественного положения, отношения к религии, убеждений, места жительства, принадлежности к общественным объединениям и иных обстоятельств;
- государственная защита и поддержка многогранной культуры и языков народов России;
- самоопределение и равноправие народов России;
- пресечение и предотвращение попыток разжигания национальной, расовой и религиозной розни, ненависти либо вражды, уважение национального достоинства граждан России;
- взаимное уважение обычаев и традиций народов, населяющих Россию;
- обеспечение и защита прав национальных меньшинств;
- обеспечение гарантий прав малочисленных этнических общностей (коренных малочисленных народов), включая поддержку их социального, экономического, и культурного развития, защиту традиционного образа жизни и исконной среды обитания.

Особую роль и ответственность в преодолении и профилактике межнациональных конфликтов любой природы несут сотрудники правоохранительных органов и спецслужб.

Данная ответственность имеет две стороны:

1) умение выявлять зарождение межэтнических конфликтов и принимать незамедлительные меры к их предотвращению и пресечению только зарождающегося конфликта, сообразно имеющимся служебным полномочиям (лично или передачей соответствующей информации).

2) недопущение любых проявлений дискриминации и ксенофобии на службе, в собственной среде, а также в личном общении с гражданами. «Нужно отдавать отчет, какие угрозы и риски заключены в ситуациях, чреватых переходом в стадию национального и межнационального конфликта. И соответствующим, самым жестким образом, без оглядки на чины и звания, оценивать

действия или бездействие правоохранительных структур, органов власти, которые привели к межнациональному напряжению» [4].

В составе мер правового характера, направленных на предотвращение, и преодоление возникающих межэтнических конфликтов, в полную силу должны работать меры их силового пресечения – тогда и там, где и когда подобные конфликты несут угрозу общественной безопасности и безопасности государства, выходят за рамки закона.

Вероятным вариантом решения проблемы социализации и цивилизованной интеграции мигрантов должно стать направление мигрантов туда, где они будут в наименьшей степени вызывать социальное напряжение, а так же принесут пользу экономике нашей страны.

При этом для государства важно, чтобы мигранты могли нормально интегрироваться в общество, адаптироваться в нем. Необходимым условием адаптации является их желание освоить российскую культуру и язык. Для приобретения или продления миграционного статуса представляется целесообразным обязать мигрантов сдавать экзамен по истории России, русскому языку и русской литературе, по основам российского государства и права. С этой целью государство должно разработать, сформировать и предоставить мигрантам соответствующие образовательные программы на основе федерального государственного образовательного стандарта.

От профессионально продуманных действий в указанной сфере зависит обеспечение общественной стабилизации межнационального мира и согласия в нашей стране.

Необходимо глубоко проанализировать и учесть негативный опыт в миграционной политике стран Западной Европы и США, сделать соответствующие выводы из миграционного кризиса в Европе, скорректировать действия миграционной политики государства с учетом существующих и потенциальных угроз в рассматриваемой сфере.

По линии Министерства внутренних дел и спецслужб необходимо выявлять и пресекать деятельность экстремистов и террористических организаций, направленных на разжигание межэтнических конфликтов и национальной розни. А также пресекать малейшие проявления ксенофобии и мигрантофобии на бытовом уровне с целью недопущения межэтнических и социальных конфликтов, ведь основной закон нашего государства начинается со слов:

«Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле, утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие, сохраняя исторически сложившееся государственное единство...» [5].

Литература

1. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666).

2. Хантингтон С.П. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1.

3. Демко О.С., Агарков А.Ф. Виктимологический аспект уличной преступности / Наука и образование в XXI веке: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 17 частях. – Тамбов, 2014. С. 64-65.

4. Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 января.

5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ).

О ПАРАДИГМЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

УДК 343.2

Ильичёв И.Е.,

доктор юридических наук, профессор
(Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье излагается авторский подход к пониманию парадигмы противодействия преступности в современной России. Парадигма, включающая в себя профилактику преступности и борьбу с преступностью, дополняется сущностной характеристикой мотивации противоправного поведения личности – субъекта преступления. В качестве такой характеристики выступает нигилизм как мировоззренческая позиция, отрицающая общепринятые ценности, идеалы, нормы нравственности и культуры. Модифицированная парадигма предопределяет необходимость корректировки субъектного состава противодействия преступности, внесения изменений в законодательную базу противодействия преступности.

Ключевые слова: преступность, парадигма противодействия, нигилизм, субъектный состав противодействия преступности, функции.

ON THE PARADIGM OF COMBATING CRIME

Ilichev I.E.,

doctor of jurisprudence sciences, professor
(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article presents the author's approach to understanding the paradigm of combating crime in modern Russia. Paradigm, which includes prevention of crime and fighting crime, is complemented by the intrinsic characteristics of motivation of the wrongful conduct of the individual as the subject of the crime. As such characteristics as nihilism is the philosophical position that denies common values,

ideals, morals and culture. A modified paradigm necessitates an adjustment of the subjective composition of the crime-fighting, changes in the legislative base of counteraction of crime.

Key words: crime, the paradigm of opposition, nihilism, subjective composition of the crime-fighting, functions.

Поиск универсального способа борьбы с преступностью лучшие умы человечества ведут, по-видимому, с момента осознания преступности как социального зла. В общей структуре преступности экстремизм и терроризм занимают особое место, во-первых, ввиду острого общественного резонанса, а во-вторых, еще и потому, что на фоне устойчивого снижения в последние годы общего «вала» преступлений в Российской Федерации, преступность экстремистского характера и террористической направленности, напротив, продолжает расти – несмотря на все усилия правоохранительных органов, включая органы внутренних дел (полиции).

В этом контексте можно только приветствовать попытки построения универсальной системы противодействия экстремизму и терроризму, одну из которых озвучил Э.В. Богмацера. Такие попытки в действительности имеют более широкий смысл – они являются прологом построения универсальной системы противодействия преступности вообще, в самом широком ее понимании [1; 2].

Безусловно ценные идеи и способы противодействия экстремизму и терроризму озвучили выступившие представители нашей Православной Церкви. Можно только выразить глубочайшую признательность нашей Церкви и нставляющего ее служителей и паству Святейшего Патриарха Кирилла за то, что Церковь не стоит в стороне от острейших проблем современной России, а вместе с народом и властью ищет и находит эффективные способы противостояния этим проблемам, научает этому и паству, тем самым внося свой и заметный вклад в поддержание мира и согласия в обществе [3].

Парадигма противодействия преступности, как нам представляется, содержится в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» – в статье, которая формулирует основные направления противодействия экстремистской деятельности [4, ст. 2]. Это, во-первых, принятие профилактических мер, и, во-вторых, выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц, то есть борьба с преступностью.

Современная, узаконенная в России парадигма противодействия преступности держится на этих «двух китах»: профилактика преступности и борьба с ней.

Представляется, что законодатель не случайно на первое место поставил именно профилактику преступности, а не борьбу с ней. Именно в профилактике законодатель видит «панацею» от преступности. Подтверждением данной позиции является и принятие чуть более года назад Федерального закона «Об основах системы профилактики преступлений и правонарушений в Российской Федерации» [5].

Профилактику правонарушений закон (статья 2) определяет как совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения.

В указанном законе все правильно, кроме, пожалуй, одного: он, к сожалению, «не видит» и не называет коренной, главной, на наш взгляд, причины, причины, из которой и произрастает вся преступность – и не только в современной России, но и во всем современном мире.

Эта причина имеет название, ее имя – нигилизм.

Нигилизм, как полагают ученые, возник в глубокой древности. Сегодня нигилизм (от лат. *Nihil* – ничто) определяется как мировоззренческая позиция, ставящая под сомнение (в крайней своей форме абсолютно отрицающая) общепринятые ценности, идеалы, нормы нравственности и культуры.

Нигилизм, обращенный «вовнутрь», способен привести человека к серьезным проблемам психики. Нигилизм, обращенный «вовне», способен привести к серьезным проблемам уже социального характера.

Мы убеждены в том, что именно нигилизм является первопричиной и истоком и экстремизма, и терроризма, и всех правонарушений, включая все прочие виды преступлений.

Действующая парадигма противодействия преступности, правильная в своей основе, по нашему убеждению, должна быть модифицирована пониманием только что озвученной первопричины.

На первый взгляд, это незначительная модификация, да и сам факт признания нигилизма как первопричины преступности достаточно тривиален, всем понятен, мало что нового привносит в наше понимание того, что и как надо делать, чтобы победить преступность в стране.

Это – поверхностный взгляд.

В действительности нигилизм и в мире, и, в особенности, в нашей стране имеет свою историю и свои неповторимые черты. Нигилизм уже неоднократно становился причиной катаклизмов в истории России, в истории царубийств и революций. Он же стал и причиной распада СССР. Нигилизм как латентная форма сознания, внедрившаяся во все слои общества современной России – вплоть до самых высших его кругов – в действительности представляет реальную угрозу безопасности и личности, и общества, и государства. Детский нигилизм сделал современную Россию как минимум европейским «лидером» по подростковым суицидам [6].

Глубинная сущность предлагаемого нами подхода состоит в том, чтобы «всем понятную истину» включить в идеологию, в систему официально принятых представлений о должной системе противодействия преступности – со всеми вытекающими отсюда последствиями, тем самым изменить *методологию* профилактики преступности.

Признать нигилизм в качестве первопричины преступности – значит коренным образом поменять подходы к ее профилактике. Эти подходы должны найти отражение прежде всего в актах стратегического планирования по вопросам национальной безопасности.

Соответствующие изменения, как нам представляется, должны быть внесены как минимум в Стратегию национальной безопасности Российской Федерации и в Концепцию общественной безопасности в Российской Федерации.

Соответствующие изменения потребуются внести и в действующее законодательство, прежде всего в федеральные законы «О безопасности», «О противодействии экстремистской деятельности», «О противодействии экстремизму» «Об основах системы профилактики преступлений и правонарушений в Российской Федерации». Свое отражение противодействие нигилизму должно найти также в Семейном кодексе Российской Федерации, в федеральных законах «Об образовании в Российской Федерации», «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», возможно, также в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях и Уголовном кодексе Российской Федерации.

Несомненно, потребуются соответствующие решения организационного характера.

Это решения, обязывающие:

- органы образования принимать соответствующие меры по мониторингу и профилактике нигилизма среди обучающихся на всех ступенях обучения, включая вузы;

- органы здравоохранения разработать и внедрить методы диагностики, профилактики и лечения острых форм нигилизма, способных приводить к душевным расстройствам вплоть до суицидных наклонностей, особенно среди детей;

- правоохранительные органы – в части совершенствования методик выявления и надзора за лицами, склонными к аномальным формам поведения в обществе;

- социальные службы – в части совершенствования методик социальной поддержки нуждающихся, в первую очередь неполных семей, где, согласно имеющимся статистическим данным, у детей и подростков чаще, чем в среднем, развивается психология нигилизма;

- органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления муниципальных образований – в части координации деятельности всех заинтересованных сторон, включая институты гражданского общества, направленной на создание условий, обеспечивающих достойный уровень и качество жизни не просто населения соответствующих территорий, но каждого отдельно взятого гражданина, имеющего, в соответствии с Конституцией Российской Федерации, право на такие условия – если это законопослушный и добропорядочный гражданин.

Реализация указанных мер, как нам представляется, конечно же, не искоренит преступность, но существенно сократит ее масштабы, в том числе в том её сегменте, который остается наиболее чувствительным и за который мы –

Министерство внутренних дел – в соответствии с законом несем ответственность. Это, конечно же, экстремизм.

Мы обозначили лишь контуры проблемы. Жизнь, как всегда, шире и интереснее любых контуров.

Литература

1. *Воронин Ю.А., Майоров А.В.* Теоретические основы формирования системы противодействия преступности в России // Криминологический журнал БГУЭП. 2013. № 1. С. 7-14.

2. *Майоров А.В.* Понятие и структура системы противодействия преступности // Правопорядок: история, теория, практика. 2014. № 1 (2). С. 112-116.

3. *Хвыля-Олинтер А.И.* Духовно-нравственные основания национальной безопасности России. – Москва, 2012. – 420 с.

4. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 23.11.2015) «О противодействии экстремистской деятельности».

5. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики преступлений и правонарушений в Российской Федерации».

6. *Лукашук Ф.В., Филиппова М.Д., Сомкина О.Ю.* Характеристика детских и подростковых суицидов // Российский медико-биологический вестник имени академика И.П. Павлова. 2016. № 2. С. 137-143.

ЭКСТРЕМИЗМ КАК ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

УДК 343.3

Лысенко В.А.,

кандидат юридических наук, доцент;

Рязанова Н.А.,

кандидат юридических наук

(Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье предложен анализ доктринального и законодательного подходов к определению понятия «экстремизм» как сложнейшей социальной, политической, правовой проблемы современного российского государства.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, национальная безопасность.

EXTREMISM AS A POLITICAL AND LEGAL CATEGORY

Lysenko V.A.,

candidate of jurisprudence sciences, associate professor;

Ryazanova N.A.,

candidate of jurisprudence sciences

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article analyzes the doctrinal and legislative approaches to defining extremism as a complex social, political, and legal problems of the modern Russian state.

Key words: extremism, terrorism, national security.

Одной из глобальных проблем человечества является экстремизм. В нашем государстве наиболее остро проблематика экстремизма и терроризма стала злободневной в конце XX в. Экстремизм на сегодняшний день представляет собой одну из сложнейших социальных, политических, правовых проблем современного российского государства. Об этом говорит появление разнообразных экстремистских проявлений, которые оказывают дестабилизирующее воздействие, угрожают национальной безопасности нашего государства.

В конце XX – начале XXI в. мировое сообщество «лицом к лицу» столкнулось с ростом экстремизма, в такой ситуации оказавшись совершенно не подготовленным ни с точки зрения практической борьбы с данными явлениями, ни с позиции их теоретического понимания.

На сегодняшний день существует множество определений данного понятия. Необходимо сказать, что в юридической науке не сложилось единого подхода к пониманию и определению понятия «экстремизм». Целесообразно все имеющиеся подходы или точки зрения градируют по двум направлениям. Первое – это доктринальное, которое представлено целым спектром различных научных подходов. И второе – законодательное.

Этимологически понятие экстремизма раскрывается в Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова: «приверженность крайним взглядам и методам» [9, с. 787].

В энциклопедических словарях обычно экстремизм (лат. *extremus* – «крайний») определяется как «приверженность к крайним взглядам, мерам (обычно в политике) [10, с. 52]». Другие определения доктринального характера представлены различными учеными. Не претендуя на тщательный их анализ, так как в последнее время появилось довольно большое количество работ, посвященных исследованию дефинитивного ряда понятия «экстремизм», «терроризм», остановимся на наиболее интересных.

В.В. Бирюков предлагает рассматривать экстремизм как «идеологию, предусматривающую принудительное распространение ее принципов, нетерпимость к оппонентам и насильственное их подавление» [6, с. 67]. В.А. Пономаренков и М.А. Яворский: экстремизм – это «насильственные и (или) противоправные деяния, совершаемые по мотивам религиозной, расовой, половой и иной социальной неприязни, а также призывы к таковым деяниям» [11, с. 42]. Такая точка зрения довольно распространена среди отечественных и зарубежных ученых, которые делают уклон на насильственный характер данной деятельности.

А.Г. Хлебушкин считает, что экстремизм представляет собой противоправную деятельность, осуществление которой причиняет или может причи-

нить существенный вред основам конституционного строя или конституционным основам межличностных отношений [14, с. 27].

Заслуживает внимание точка зрения Ю.Е. Пудовочкина и Р.М. Узденова, которые указывают, что «экстремизм – это совершение преступлений в соответствии с определенной системой взглядов, воззрений, убеждений, возведенных в культ, с целью достижения определенного результата, предусмотренного этой системой взглядов, в какой-либо области общественных отношений, существующий порядок в которой отрицается экстремистами» [12, с. 87; 13, с. 14-15].

А.Г. Залужный: «экстремизм в современном понимании этого слова является олицетворением определенного рода негативных проявлений, имеющих своей целью породить у членов мирового сообщества сомнения в возможности поддержания стабильности в мире на принципах демократии, уважения прав и свобод человека и гражданина» [8, с. 23-24].

Исследование дефинитивного пространства экстремизма будет являться недостаточным, если его не отграничить от смежных, взаимосвязанных, существенно близких ему явлений и процессов. В целях дальнейшего изучения указанной категории необходимо разграничить экстремизм и терроризм.

На сегодняшний день терроризм рассматривается как крайняя, наиболее общественно опасная форма насильственного экстремизма. Терроризм представляет собой деятельность, реализуемую в целях нарушения национальной безопасности, устрашения населения либо оказания влияния на принятие решений органами власти, то есть выступает в качестве средства, используемого экстремистами для достижения противоправных целей. Считаем, что разграничение между экстремизмом и терроризмом заключается в том, что эти дефиниции являются близкими по смыслу, но тесной взаимосвязи между ними нет, так как если предположить, что каждый террорист – это экстремист, то неверно считать, что всякий экстремист – террорист. Следует констатировать, что терроризм свои корни черпает из экстремизма, и, по сути, его можно считать производной экстремизма, потому что он впитал «жесткие» формы и методы достижения желаемых результатов. В качестве таковых можно назвать физическое устранение государственных, политических, общественных деятелей, так и убийства рядовых граждан, уничтожение различных материальных объектов и т.д. [7, с. 62-63].

Как в научном, так и в законодательном плане разграничение вышеуказанных понятий имеет огромное значение, прежде всего превентивного характера, для терроризма и экстремизма. Потому что обнаружение и диагностика экстремистских проявлений, которые не являются террористической деятельностью, следует рассматриваться в качестве предупреждения терроризма.

Нормативному регулированию борьбы с таким явлением, как экстремизм, посвящен, в частности, ряд международных документов, среди которых следует отметить документ, который впервые ввел термин «экстремизм» в сферу международного права. Этим документом является Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма, принятая Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 9 декабря 1994 г. № 49/60, в которой отмечается, что «Генеральная Ассамблея глубоко озабочена тем, что во многих регионах мира все чаще

совершаются акты терроризма, в основе которых лежат нетерпимость или экстремизм» [1]. Как мы видим, в Декларации не определено понятие экстремизма, а лишь обозначается его связь с терроризмом. Считаем, что это связано с тем, что международное сообщество в лице ООН не до конца осознало общественную опасность экстремизма в качестве международной и внутригосударственной угрозы, получающей глобальное распространение в планетарном масштабе.

Следующим шагом явилась Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2001 г. Данная конвенция дает определение экстремизма как деяния, направленного на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон» [2]. Эта дефиниция играет важную роль и имеет существенное значение, так как рассматривает экстремизм как деяние, выявляет его сущность и указывает на ключевой признак экстремизма – насилие (принуждение).

Двадцать первый век ставил своей целью противодействие угрозе экстремизма, основа которой была заложена в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 22 декабря 2003 г. № 58/174. В понятие «экстремизм» вкладывается смысловая характеристика в качестве серьезной угрозы для международной законности и правопорядка в мире [3].

Как мы видим, Организация Объединенных Наций обходит стороной определение и регламентацию в международных документах понятия «экстремизм». В них не перечислены деяния, которые государства – члены ООН должны признать экстремистскими, но следует констатировать, что в международных актах четко указывается, что наиболее радикальным проявлением экстремизма является терроризм. Это говорит о разработке комплекса мер противодействия экстремизму через призму борьбы с терроризмом. Такое положение дел, по нашему мнению, на сегодняшний день является неправильным. Важность и значимость указанной дефиниции именно в международном праве является очевидной для всего мирового сообщества. Потому что это позволило бы повысить эффективность противодействия экстремистским проявлениям на международном и внутригосударственном уровнях.

Следующим шагом правовой регламентации указанной дефиниции является резолюция от 2003 года № 1344 Парламентской ассамблеи Совета Европы. В ней закрепляется, что «независимо от своей природы экстремизм представляет собой форму политической деятельности, явно или исподволь отрицающую принципы парламентской демократии и основанную на идеологии и практике нетерпимости, отчуждения, ксенофобии, антисемитизма и ультранационализма» [4]. Рассматриваемое определение содержит анализ экстремизма как формы политической деятельности, где ключевым моментом является идеологический фактор. Указание идеологической подсистемы, выступающей в качестве базиса данной деятельности, на наш взгляд, является более чем обоснованным, так как

общественные отношения (политические, национальные, религиозные, духовные и др.) основываются на идеологии.

Недостатком правового регулирования Совета Европы в исследуемой нами области является то, что в нем также отсутствует дефиниция экстремизма и не отражена его сущность. Также как и на уровне Организации Объединенных наций, необходимо в ближайшее время выработать и закрепить единое для всех стран, входящих в Совет Европы, понятие и сущность экстремизма для успешного противодействия ему.

В Российском законодательстве в Федеральном законе от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» не содержится понятие экстремизма, а законодатель лишь указывает на обширный перечень признаков, составляющих содержание экстремистской деятельности (экстремизма). Среди таких признаков «насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения; воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения; совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте «е» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации; пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций; публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения; публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением; организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению; финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг» [5].

Законодатель в статье 1 рассматриваемого Федерального закона отождествляет понятия экстремистской деятельности и экстремизма, что, по нашему мнению, не совсем правильно, так как лишь совокупность противоправных форм проявлений экстремизма образует понятие «экстремистская деятельность». В связи с изложенным, целесообразно в законе сформулировать и разграничить понятия «экстремизм» и «экстремистская деятельность». Устранение вышеобозначенной проблемы на законодательном уровне послужит одним из необходимых условий правового предупреждения и пресечения противоправных деяний экстремистской направленности.

Литература

1. Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма, принятая Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1994 г. № 49/60. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/terrdecl1
2. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (заключена в г. Шанхае 15.06.2001) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 41. Ст. 3947.
3. Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 22 декабря 2003 г. № 58/174. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901933671>
4. Резолюция 1344 «Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе» (2003 г.). URL: <http://www.coe.ru>
5. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 23.11.2015) «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.
6. *Бирюков В.В.* Еще раз об экстремизме // Адвокат. 2006. № 12. С. 66-71.
7. *Гарашко А.Ю.* Проблемы определения понятия «экстремизм» в источниках отечественного права / Идеолого-информационные и уголовно-процессуальные средства противодействия терроризму и экстремизму: сборник материалов межвузовской научно-практической конференции (29 мая 2015 г.) / под ред. д-ра юрид. наук, проф. А.В. Ендольцевой, канд. юрид. наук, доцента А.Г. Мамонтова, канд. юрид. наук, доцента А.И. Клименко. – Москва: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2016. С. 62-63.
8. *Залужный А.Г.* Экстремизм: сущность и способы противодействия // Современное право. 2002. № 12. С. 23-24.
9. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. – Москва: Рус. яз., 1987. С. 787.
10. Советский энциклопедический словарь. – Москва, 1981. С. 52.
11. *Пономаренков В.А., Яворский М.А.* Сущностная характеристика современного экстремизма // Юридический мир. 2008. № 2. С. 42.
12. *Пудовочкин Ю.Е., Узденов Р.М.* Теоретические конструкции определения экстремизма: проблемы и перспективы // Криминологический журнал. 2005. № 2 (8). С. 87.
13. *Узденов Р.М.* Экстремизм: логические и уголовно-правовые проблемы противодействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2008. С. 14-15.

14. *Хлебушкин А.Г.* Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ: монография / отв. ред. Н.А. Лопашенко. – Саратов: Саратовский юридический институт МВД России, 2007. С. 27.

ЭФФЕКТИВНЫЕ МЕТОДЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИДЕОЛОГИИ КРИМИНАЛЬНОГО ЭКСТРЕМИЗМА

УДК 316.3/.4+323/324

Лягушкин И.В.,

кандидат философских наук

(Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя)

Аннотация: в работе рассматривается идеология криминального экстремизма на примере неформального молодежного движения «А.У.Е.» (Арестантский уклад един), предлагаются эффективные средства информационного противодействия и противостояния идеологии «А.У.Е.».

Ключевые слова: криминальный экстремизм, «А.У.Е.», информационное оружие, стратегические коммуникации, специальное информационное мероприятие, специальная информационная операция.

EFFECTIVE METHODS OF INFORMATION COUNTERACTION IDEOLOGIES OF CRIMINAL EXTREMISM

Lyagushkin I.V.,

candidate of philosophical sciences

(Moscow University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation named after V.J. Kikot)

Abstract: in work the ideology of criminal extremism on the example of informal youth movement «A.U.E.» (Prisoner way is uniform) is considered, effective remedies of information counteraction and opposition of ideology of «A.U.E.» are offered.

Key words: criminal extremism, «A.U.E.», information weapon, strategic communications, special information event, special information operation.

Повышенный интерес к таким явлениям, как экстремизм политический или сектантский (религиозный) в значительной степени способствовал ослаблению интереса общественности, научного сообщества и правоохранительных органов к такому явлению, как экстремизм криминальный. По мнению автора, следует исправить этот недостаток серьезного научного рассмотрения феномена экстремизма с точки зрения социологии и политических наук.

Объективный подход к пониманию сущности и природы экстремизма показывает недостаточность узкого правового рассмотрения данного социального

явления. Необходимо привлечение средств философии, социологии и политических наук.

Следует отметить, что экстремизм существует на трех основных уровнях: всеобщего, особенного и единичного. На уровне всеобщего экстремизм предстает как идеология определенных социальных групп. Данные социальные группы весьма разнообразны, но имеют общий идентифицирующий признак. Этим признаком является обладание статусом предельного меньшинства или претензия на таковой.

Предельное меньшинство, точнее, его идеологи и представители, явно или косвенно заявляют претензию на исключительность в обеспечении их прав и свобод, даже в ущерб интересам представителей других социальных групп.

Объективно предельным меньшинством является лишь молодежь в силу того, что социализация ряда представителей данной социально-демографической группы в основном не завершена. В связи с этим существуют специфические молодежные проблемы, осознается необходимость проведения специфической молодежной политики, молодежь является объектом деятельности различных субъектов политики. Иные социальные группы имеют шанс достичь статуса предельного меньшинства лишь благодаря усилиям идеологов или иных специально подготовленных людей. Если у молодежи статус предельной социальной группы является дескриптивным или предписанным, то у других социальных групп он может быть исключительно достигаемым. Любая социальная группа, являющаяся предельным меньшинством или стремящаяся к достижению такого статуса, обладает специфической идеологией.

В целях решения практических задач представляется необходимым рассматривать идеологию в качестве многоуровневого явления. В узком смысле, в самом общем виде, идеология предстает как совокупность элементов философских концепций, научных теорий, мифов, иллюзий, художественных произведений и элементов обыденного сознания, которые складываются у человеческих индивидов в отражение, не всегда адекватное, объективного мира.

А.А. Зиновьев вводит понятие идеосферы. Идеосферу общества, по его мнению, составляют люди, группы, организации, которые профессионально занимаются идеологией. Они и создают идеологическое поле [1, с. 31-32].

В широком смысле идеология включает социальный идеал, систему нормативной этики, динамический стереотип социально приемлемого поведения и механизм социальной реализации, которым является идеологическая социализация.

Идеологическая социализация – это «реальный динамичный процесс участия конкретного человека в идеологических практиках в период детства, юности, зрелости и старости с принятием и поддержкой одной или нескольких идеологических теорий (идеологий)» [2, с. 156].

С идеологической социализацией неразрывно связаны пропаганда, агитация, реклама, информационное противоборство, теории общественного воспитания и правосознание. Идеологическая социализация является важной состав-

ной частью и условием политической социализации личности, в особенности – политического сознания.

Р.Г. Яновский и А.П. Носков считают, что обыденное политическое сознание личности отражает повседневный политический опыт и включает в себя знание о политической системе данного общества, социальной структуре, государстве и отдельных его элементах, правовой системе и т.д. «Знания эти возникают как на основе собственного опыта, так и на основе опыта других людей, переданного личности... К обыденному политическому сознанию относятся также, например, традиции борьбы угнетенных масс за свое освобождение, традиции отрицания определенных институтов эксплуататорского общества (полиции и т.п.), некоторые традиции, характерные для данной конкретной социальной группы. Сюда входят традиции, ритуалы, почитание героев. Вся эта система направлена на формирование конформизма – осознания личностью себя членом социальной группы или общества в целом. У каждой группы эта система своя, причем субъект власти данного общества стремится навязать массам такие нормы, которые обеспечивали бы ему как минимум пассивность масс, а как максимум – активную поддержку большей части населения» [3, с. 441].

Экстремистскими с необходимостью оказываются идеологии, социальный идеал которых является утопическим. Чем более оторван социальный идеал от реальности, тем больше степень экстремизма содержащей его идеологии.

Для того чтобы охарактеризовать идеологию неформального молодежного движения «А.У.Е. («Арестантский уклад един» или «Арестантское уркаганское единство») как экстремистскую идеологию, необходимо решить следующие вопросы:

1. Обладает ли движение «А.У.Е.» собственной идеологией?
2. Является ли данная идеология экстремистской?
3. Какие эффективные методы противодействия данной идеологии и социальной практике могут применять правоохранительные органы в Российской Федерации?

Существует версия, в соответствии с которой движение «А.У.Е.» зародилось в восточных регионах России, где находится значительное количество мест лишения свободы. Население этих регионов небогато, условия для ведения предпринимательской деятельности сложно назвать оптимальными, а государство усилило контроль за местами лишения свободы. Криминальные авторитеты стали испытывать трудности с формированием «общаков», «грев», то есть деньги, наркотики, алкогольные напитки, продукты питания и табак приходят нерегулярно и в меньших, нежели ранее, количествах.

В связи с этим оставшиеся на свободе представители криминальных сообществ наладили сбор средств с представителей самой социально незащищенной группы населения – учащейся молодежи. Прикрывается этот процесс, связанный с вымогательством, красивыми легендами об уркаганском братстве, единстве «арестантского уклада жизни на зоне».

Однако, «А.У.Е.» – это более чем легенда. Сторонникам «А.У.Е.» сообщают сведения об идеальном обществе, где наблюдается дисфункция социаль-

ных институтов, а власть принадлежит вора́м, где сторонники А.У.Е имеют преимущества перед «лохами» – жертвами преступных посягательств и «фраерами» – несудимыми гражданами, как на свободе, так и в местах лишения свободы. Покинуть сообщество, минуя весьма суровые санкции, нельзя – «Тюрьма на отпускает!» Налицо тщательно выстроенная идеологическая структура. А лозунги типа: «Жизнь вора́м – смерть мусорам!» не оставляют сомнений в экстремистском характере сообщества «А.У.Е.».

В качестве социального идеала «А.У.Е.» предлагает преполитарное общество без государства, права и семьи и с доминированием криминальных сообществ.

Возможно ли эффективное противодействие описанной выше криминальной идеологии? Безусловно, возможно, и ключевую роль в этом процессе должно сыграть противодействие криминальному экстремизму в информационной сфере.

Если «А.У.Е.» – в значительной степени порождение социальных сетей и неформальных каналов распространения информации, то и работать специалисты должны с использованием данных каналов.

Простейшим из методов является контрпропаганда. Простые лозунги «Фарту масти А.У.Е – горя всей твоей семье!», «Ваш ребенок А.У.Е.л? Проследите, чтоб не сел!» рассчитаны на семью и на тех членов криминального сообщества, кто еще не порвал с семьей, и семья еще сохраняет для них определенную ценность.

Применение концепции стратегических коммуникаций позволяет использовать нарративы типа: «А.У.Е. – путь в блудняк!», «А.У.Е. – путь в гарем!» и мемов типа «Фуфел масти А.У.Е.!»), отсекающие нецелевые аудитории и сориентированные на аудитории целевые. Следует избегать соблазна использовать предельно эффективные, но противоправные мемы типа хэштэга #онижесукиндыдетиА.У.Е.

Необходимо также разработать и провести серию специальных информационных операций, основываясь на теории информационной войны как составной части политического процесса. Распространение контрпропагандистских материалов, мемов, нарративов и специальных информационных мероприятий следует вести в тесном сотрудничестве с кибердружинами в рамках взаимодействия со средствами массовой информации и институтами гражданского общества.

Реакция сторонников «А.У.Е.» на описанные выше материалы предполагается жесткой, комментарии обязательно будут содержать аффективные и экстремистские высказывания, что даст возможность уголовного преследования «А.У.Е.» и последующего судебного запрета данной организации как экстремистской.

Литература

1. *Зиновьев А.А.* Идеология партии будущего. – Москва, 2003.
2. *Кузнецов В.Н.* Социология идеологии: учебное пособие. – Москва: Книга и бизнес, 2008.

3. Яновский Р.Г., Носков А.П. Формирование политических убеждений // Социология идеологии: хрестоматия / сост. В.Н. Кузнецов. – Москва: Книга и бизнес, 2005.

ПРОБЛЕМА ВОЗМОЖНОСТИ МОРАЛЬНОГО ОПРАВДАНИЯ ТЕРРОРИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ

УДК 343.971

Марченя П.П.,

кандидат исторических наук, доцент;

Шаповалов Я.А.

(Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя)

Аннотация: в статье содержится краткий обзор различных точек зрения на проблему моральной оценки терроризма в мировом сообществе. Современная западная философия анализирует возможность морального оправдания терроризма с позиций консеквенциализма и нон-консеквенциализма. В связи с этим по-разному интерпретируются вопросы о невиновности жертв терроризма и о возможности совершения террористических актов в качестве средства «правосудия» и «восстановления справедливости».

Ключевые слова: терроризм, консеквенциализм, нон-консеквенциализм, моральное оправдание.

THE PROBLEM OF THE MORAL JUSTIFICATION OF TERRORISM IN MODERN WESTERN PHILOSOPHY

Marchenya P.P.,

candidate of historical sciences, associate professor;

Shapovalov Y.A.

(Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V.Y. Kikot)

Abstract: the article contains a brief overview of different points of view on the problem of moral assessment of terrorism in the world community. Modern Western philosophy analyzes the possibility of moral justification of terrorism, based on two opposing approaches: consequentialism and non-consequentialism. In this connection, questions about the innocence of victims of terrorism and the possibility of committing terrorist acts as a means of «justice» and «restoring justice» are interpreted in different ways.

Key words: terrorism, consequentialism, non-consequentialism, moral justification.

В последние несколько десятилетий проблема терроризма превратилась в один из глобальных вызовов современности, адекватный ответ на который требует тщательного изучения самого этого феномена в целях повышения эффективности антитеррористической деятельности, профилактики и своевременного выявления потенциальных террористических угроз и пресечения пропаганды терроризма.

В то время как социальные науки изучают причины, основные разновидности и последствия терроризма, философия в процессе осмысления этого феномена сосредоточена прежде всего на двух фундаментальных вопросах. Первый, понятийный: что такое «терроризм»? Второй, моральный: может ли когда-нибудь терроризм быть морально оправдан?

Философами предложены различные позиции по обоим вопросам. Применительно к проблеме определения терроризма, что бы ни значило это слово, его обычное употребление на протяжении не менее двух столетий, как правило, указывает на две составляющие: насилие и запугивание. Причем такое насилие не является слепым или садистским, а направлено именно на устрашение и достижение какой-либо дальнейшей политической, социальной или религиозной цели, или, в более широком смысле, на принуждение.

В западной литературе распространены следующие определения данного понятия.

Шведский политический философ Пер Баун определяет терроризм как «осуществление актов насилия, направленных против более чем одной личности, реализованных субъектом террористической деятельности для запугивания этих лиц и реализации этим самым одной или нескольких собственных политических целей» [1, с. 28; 2, с. 196].

В статье Джона Коуди в «Энциклопедии этики» под терроризмом понимается «тактика преднамеренного нападения на мирное население с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, предназначенная для достижения политических целей путем устрашения населения» [3, с. 1697].

Еще один пример-определение (предложенное израильским профессором Игорем Приморацем): «Преднамеренное насилие или угроза его применения в отношении невинных людей с целью запугивания других людей и побуждения их к каким-либо действиям» [4].

Насилие всегда было в центре внимания общественной мысли и практики человечества. Оно осуждалось, им пугали, его прославляли и возводили в культ. Но долгое время не было научно объективного анализа и адекватно верного понимания природы, корней и роли насилия. По мнению представителей марксистской философии, этот пробел смог восполнить марксизм на основе диалектико-материалистической трактовки исторического процесса, всех явлений общественной жизни: К. Марксу и Ф. Энгельсу удалось создать научную теорию насилия, отказавшись от метафизического подразделения всего сущего на добро и зло, благодаря пониманию того, что всякое проявление человеческой жизнедеятельности, каким бы внешне иррациональным и пагубным оно не являлось, насколько бы ни противоречило моральным нормам, имеет свои ос-

нования в объективно существующих социально-экономических противоречиях, в жизненных реалиях [5, с. 582].

В зависимости от того, какие социальные проблемы явились предпосылками к совершению актов терроризма, можно выделить несколько взглядов на их «моральный облик». Консеквенциализм следует максиме «цель оправдывает средства», которая утверждает, что «если цель очень важна, то любой путь ее достижения является приемлемым» [4]. Нон-консеквенциалистам не важно, как террористический акт повлияет на расстановку сил, ведь терроризм определяется не своими последствиями, а самим поступком.

Но какой должна быть цель, чтобы террористический акт был морально оправданным?

Для начала следует отграничить понятия «терроризм» и «террор». Исследователь терроризма А.Е. Калинин писал: «Террор – это политика репрессий со стороны государства, опирающегося на мощь своих силовых институтов, а терроризм – это насилие, осуществляемое со стороны политических группировок. Оружие террора – репрессии, оружие терроризма – террористический акт» [6, с. 6]. То есть террор есть сущность тоталитарного господства, репрессии – средство обороны государства от внутренних врагов.

В свою очередь, контрмеры, предпринимаемые повстанческими организациями против диктаторского режима, действующая власть считает терроризмом. При таких обстоятельствах, когда высокопоставленный чиновник убит повстанцами, это характеризуется как террористический акт, в то же время повстанцы расценивают это как политическое убийство.

В то время как термин «терроризм» уже приобрел очень сильный уничижительный смысл, никто не применяет это слово в отношении собственных действий. Боевики сравнивают себя с солдатами, а свои поступки облачают в концепцию борьбы за освобождение. И часто изображают своих врагов в качестве «истинных террористов».

Конечно же, против диктаторской власти можно бороться разными способами. С моральной точки зрения, безусловно, есть разница между закладыванием бомбы в здание правительства и убийством чиновников вражеского правительства – и минированием школы и убийством детей. Несмотря на это, для государственной власти и то, и другое будет являться актом терроризма.

Следует ли из этого, что считать террористическим можно только тот акт, который направлен против ни в чем не виновных людей? Но тогда как определить степень вины человека в протекающих политических процессах, его ответственность за социально-экономические противоречия, протекающие в обществе? Следующие доводы приводил анархист XIX века Эмиль Анри: он заложил бомбу в офисе горнодобывающей компании, которая, если бы взорвалась, могла убить или ранить людей, не работавших в этой компании, но живших в том же здании. Он также заложил бомбу в кафе, которая ранила двадцать человек, один из них позже скончался от полученных травм. На суде на вопрос: «А как же невинные жертвы?», – Анри ответил: «Здание, в котором располагалась компания, было заселено только буржуазным населением, следовательно, ни в чем не повинных жертв не

было. Вся буржуазия живет за счет эксплуатации несчастных и должна вместе искупить свои преступления» [7, с. 194]. Комментируя второе нападение, он сказал: «Те хорошие буржуи, которые не занимают должности, но которые пожидают свои дивиденды и живут, бездельничая и наживаясь на прибыли рабочего класса, они также должны быть подвержены репрессиям. И не только они, но и все те, кто доволен существующим порядком, кто одобряет действия правительства и поэтому становится его пособниками ... другими словами, ежедневные клиентами этого и других замечательных кафе!» [Там же].

Таким образом, он утверждал, что все члены социального класса – женщины и мужчины, молодые и старые, взрослые и дети – могут быть убиты: некоторые как эксплуататоры, другие – просто поддерживая установленную в обществе систему.

Другой, более свежий пример, приведен в изречении Усамы бен Ладена, который в интервью после терактов 11 сентября 2001 года сказал: «Американский народ должен помнить, что они платят налоги и что они голосовали за своего президента. Их правительство делает оружие и поставляет его в Израиль, который его использует, чтобы убить Палестинских Мусульман. Учитывая, что американский Конгресс — это комитет, который представляет народ, то, что он согласен с действиями американского правительства, доказывает, что Америка в полном объеме несет ответственность за злодеяния, которые совершаются по отношению к мусульманам» [8, с. 140].

Это тоже абсурдное понимание «ответственности». Исходя из такой логики, все американцы могут быть убитыми за реализацию государственной политики, за участие в политическом процессе и даже за уплату налогов.

Попытки оправдания терроризма можно подразделить на две группы, в зависимости от типа этической теории, на которой они основаны.

Приверженцы консеквенциализма судят о терроризме исключительно по его последствиям. Террористические акты, по их мнению, могут быть «оправданы» их политическими и моральными последствиями. Так, они якобы оправданны, когда: 1) являются политически эффективным оружием в революционной борьбе; 2) есть веские основания полагать, что с помощью такого рода насилия будет меньше несправедливости и страданий в мире, чем при бездействии и неприменении такого рода насилия [9, с. 446].

Исторический опыт говорит нам о том, что терроризм, используемый как единственный метод борьбы, провокации масс на революционные действия, является неэффективным и часто контрпродуктивным. Однако терроризм, применяемый в сочетании с партизанской войной, в условиях освободительной войны вполне может оказаться полезным и, следовательно, оправданным, как это было, например, в Алжире и Южном Вьетнаме [10, с. 14].

Другой точки зрения придерживаются последователи нон-консеквенциализма, которые считают, что эмпирические последствия всякого действия не имеют ничего общего с какой-либо моральной ценностью акта. Другими словами, действия правильны или неправильны сами по себе, а не из-за каких бы то ни было последствий, наступивших в результате этих действий.

Социальный американский философ Вирджиния Хелд выдвинула мнение о том, что в ограниченном виде терроризм оправдан, если это единственный способ реформирования несправедливого общества. То есть, если это борьба за социальную справедливость, за восстановление нарушенных прав граждан [11, с. 21]. Однако этот довод вызывает тревожную неопределенность в отношении того, кто может заниматься терроризмом и кто обеспечит «восстановление справедливости» посредством совершения террористических актов.

Представляется, что терроризм в современном обществе не может рассматриваться как могущий иметь «моральные оправдания» инструмент политической борьбы – и должен остаться в прошлом. Любые социальные проблемы и противоречия можно решить другим способом. Мы должны понять, что под прикрытием фундаментализма нам противостоят люди с агрессивными намерениями, настоящими целями которых являются политические интересы, а не разрешение проблем гуманитарного характера, нищеты и неравенства различных слоев общества.

Мы не можем говорить о том, что даже в условиях всеобщей борьбы с терроризмом губительные для мирового сообщества взгляды полностью искоренены. Разделение идей и мыслей террористов, их разграничение на «умеренных» и «радикальных» является недопустимым, а снисходительно-оправдательное отношение к убийцам можно приравнивать к пособничеству терроризму. Неслучайно Президент России В.В. Путин подчеркивает первоочередную важность организации широкого интеллектуального фронта борьбы с терроризмом (как «главной угрозой глобальной безопасности»), которую «можно побороть только сообща» [12]) и необходимость противопоставить «конфликту религий и наций, искусственно разжигаемому террористами, ... ценности гуманизма и знание, ... терпимость и большую информированность друг о друге» [13].

Литература

1. *Bauhn P.* Ethical Aspects of Political Terrorism: The Sacrificing of the Innocent. – Lund: Lund University Press, 1989.
2. *Янковой Н.Л.* Терроризм в призме теоретико-политологического анализа // Молодой ученый. 2010. № 9. С. 191-196.
3. *Coady C.A.J.* Terrorism // Encyclopedia of Ethics, 2nd edn. 2001. P. 1696-1699.
4. *Primoratz I.* Terrorism // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / ed. E.N. Zalta. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2015/entries/terrorism/>.
5. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. – Москва: Госполитиздат, 1961.
6. *Калинин А.Е.* Современный терроризм: этнополитический и региональный контекст: дис. ... канд. полит. наук. – Ставрополь, 2009.
7. *Henry E.* A Terrorist's Defence. – Hassocks: Harvester Press, 1977.
8. Bin Laden O. Messages to the world: the statements of Osama Bin Laden. – London and New York: Verso, 2005.
9. *Nielsen K.* Violence and Terrorism: Its Uses and Abuses. – New York: Macmillan, 1981.
10. *Trotsky L.* Terrorism and Communism: A Reply to Karl Kautsky. – Michigan: The University of Michigan Press, 1972.

11. *Burns L.* Toward a Contemporary Definition of Terrorism // Forum on Public Policy Online Journal. 2011. № 3. URL: <http://forumonpublicpolicy.com/vol2011no3/archive/burns.pdf>.

12. Путин: терроризм можно побороть только сообща // РИА Новости. 2017. 11 апр. URL: <https://ria.ru/politics/20170411/1492001692.html>.

13. *Путин В.В.* Выступление и ответы на вопросы на встрече с преподавателями и студентами Колумбийского университета (26 сент. 2003 г., Нью-Йорк) // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22129>.

КСЕНОФОБИЯ КАК ИСТОЧНИК ЭКСТРЕМИСТСКОГО ПОВЕДЕНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ БОЛЕЗНЬ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

УДК 316.4+316.6

Моисеев А.Б.

(Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя)

Аннотация: в статье предпринимается попытка с позиций организмической теории общества через понятия «социальные болезни» и «социальные дисфункции» описать такое негативное социальное явление, как ксенофобия, широко распространенное в настоящий момент в территориальных поселениях городского типа. Автор реанимирует введенные ранее в научный оборот Ф. Теннисом понятия *Gemeinschaft* и *Gesellschaft* в качестве предельно обобщенного типового описания двух базовых типов социальной среды, свойственных современному обществу.

Ключевые слова: социальные болезни, ксенофобия, организмическая теория общества, социальная норма, социальные дисфункции, город, *Gemeinschaft*, *Gesellschaft*, социальная апатия.

XENOPHOBIA AS SOURCE OF EXTREMIST BEHAVIOR AND SOCIAL DISEASE OF MODERN SOCIETY

Moiseev A.B.

(Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V.Y. Kikot)

Abstract: in article an attempt from positions of the organizmichesky theory of society through the concepts «social diseases» and «social dysfunctions» is made to describe such negative social phenomenon as xenophobia, widespread at the moment in territorial settlements of city type. The author reanimates the concepts *Gemeinschaft* and *Gesellschaft* introduced earlier for scientific use by F. Tönnies as extremely generalized standard description of two basic types of the social environment peculiar to modern society.

Key words: social illness, xenophobia, organismic theory of society, social norm, social dysfunction, town, Gemeinschaft, Gesellschaft, social apathy.

Идейно-психологическим основанием и основной формой проявления экстремизма в современном обществе является ксенофобия. По сути дела, ксенофобия – вид социальной болезни, передаваемой из поколения в поколение как генетическая память о тех временах, когда любой иной человек, идентифицируемый в системе опознавания «свой – чужой» как чужак, воспринимался как потенциальный источник смертельной опасности.

В современной отечественной научной литературе термин «социальные болезни» обычно принято понимать в узкоспециализированном, медицинском контексте данного понятия. «Социальные болезни – это болезни человека, возникновение и распространение которых в определяющей степени зависят от влияния неблагоприятных условий социально-экономического строя», гласит классическое определение этого термина в 3-ем издании Большой советской энциклопедии [1].

Вместе с тем существует и более широкое – социологическое – представление о социальных болезнях, восходящее к воззрениям О. Конта и теории органицизма Г. Спенсера. Как известно, согласно взглядам О. Конта, непосредственному появлению социологии как высшей ступени научного познания предшествует развитие биологии как науки о естественном, природном, досоциальном бытии человека. Исходя из этого положения, Г. Спенсер предложил рассматривать социальное бытие по аналогии с физиологическим бытием человеческого организма вплоть до механического отождествления функций отдельных человеческих органов с функциями ряда основных социальных институтов и наделения свойств наиболее распространенных социальных процессов базовыми свойствами физиологических процессов.

Критически относясь к содержанию предложенной Спенсером системы, обусловленной как объективным состоянием развития научной мысли той эпохи, так и субъективными особенностями научного мышления данного автора, и ни в коей мере не абсолютизируя указанный подход, можно в то же время указать на то обстоятельство, что сама идея проведения аналогий между социальным и физиологическим применительно к анализу социального остаётся актуальной для научного знания и по сей день.

«Многие мыслители, – писал философ А.А. Зиновьев, – рассматривали человеческое общество как организм. ... Человеческое общество действительно по многим признакам сходно с такими биологическими организмами, как животные и люди. ... Так что человеческое общество ... есть социальный организм, состоящий из базисных биологических организмов – людей» [2, с. 9-10].

Исходя из подобного понимания общества, можно утверждать, что так же как бытие биологического организма имеет свои функциональные (соотносимые с понятиями «норма» и «здоровье») и дисфункциональные (соотносимые с понятиями «отклонение» и «болезнь») стороны, так и бытие социального организма отражается дихотомией «функция – дисфункция».

К функциональной стороне социального бытия можно отнести все то, что соответствует понятию «норма», либо стремится к достижению описываемого данным понятием социального состояния (данное стремление в социологии обозначается понятием «прогресс»). Нормальным считается все то, что соответствует осознанно установленному людьми в обществе социальному порядку, регулирующему социальными нормами, высшим проявлением которых являются действующие нормы права, или способствует его укреплению. В конечном итоге, по мнению А.А. Зиновьева, нормой является все то, что является сознательно сконструированным абстрактным образцом деятельности, поведения и образа мысли индивида в обществе [3]. Указывая на это обстоятельство, А.А. Зиновьев в итоге приходит к выводу, что «человеческое общество сравнительно высокого уровня развития есть организованный с помощью разума социальный организм или сложившаяся по законам органичности организация» [2, с. 12].

Дисфункциональной стороной социального бытия является все то, что идет вразрез с существующими правилами, предписаниями и ожиданиями соответствующего образа действий индивидов в обществе, что нарушает сознательно установленный социальный порядок и в целом противоречит требованиям разума к организации взаимодействия индивидов между собой и с окружающим миром. Все, что ведет к ослаблению существующего социального порядка (для обозначения указанных процессов используются термины «деструкция» и «регресс»), что является проявлением атавизмов (признаков свойств и состояний, характерных для развития общества в далеком, в том числе доисторическом, прошлом) и стихийного бессознательного в общественной жизни, также представляется дисфункциональным и свидетельствует об отклонении социального организма от существующей нормы.

Как известно, социальные дисфункции бывают положительного, то есть социально одобряемого, и отрицательного, то есть социально осуждаемого, свойства. Положительные дисфункции, являясь по форме отклонением от действующих правил, по сути способствуют прогрессивному развитию общества, то есть ведут к установлению новой, более совершенной системы норм, лучше удовлетворяющей потребности общественного развития, нежели та, что действовала прежде. Социальные дисфункции отрицательного свойства, напротив, либо тормозят (замедляют) позитивные перемены в общественной жизни, либо – в случае радикального развития дисфункциональных процессов – влекут за собой возвращение более архаичной системы социального регулирования.

Профессор Высшей школы экономики И.В. Рывкина считает, что современному обществу присущи два основных вида социальных дисфункций отрицательного свойства (речь идет именно о социальных дисфункциях, а не о видах индивидуального девиантного поведения индивидов): социальные проблемы и социальные болезни. По ее мнению [4], признаками, отличающими социальные проблемы от социальных болезней, являются:

- 1) длительность протекания (относительная кратковременность проблем в отличие от долговременности болезней);

2) степень легкости или сложности разрешения (лечения) – социальные проблемы при наличии определенных условий можно разрешить, в то время как лечение социальных болезней представляется даже при наличии благоприятных условий (например, достаточного финансирования) делом сложным, затратным по объему и видам привлекаемых ресурсов и, в некоторых случаях, едва ли не безнадежным;

3) наличие биологических и (или) социальных корней, способствующих устойчивости и труднопреодолимости социального заболевания;

4) взаимосвязь социальной болезни с национально-этническими и, можно добавить, территориально-поселенческими особенностями населения.

Руководствуясь указанными признаками, И.В. Рывкина выделяет три типа социальных болезней [4]:

1. Психологические социальные болезни, в том числе агрессивность, алкоголизм, авторитаризм, аморальность, девиантность, конфликтность, ксенофобия, маргинализация, отчуждение, наркотизм.

2. Политические социальные болезни, такие как аполитичность, бандитизм, бюрократизм, бесправие, запретительство, конфронтация, криминализация, милитаризация, фашизация.

3. Экономические социальные болезни, среди которых бедность, безработица, бездомность, беспризорность, коррупция, обнищание, олигархизация, рэкет, спекуляция, теневизация, приписки, воровство, мошенничество, фальсификация и тому подобные явления.

Таким образом, точка зрения данного автора состоит в том, что ксенофобия является проявлением социальной болезни психологического типа. Воспроизводство механизмов этой болезни объясняется высокой степенью индивидуализации современного общества и крайним ослаблением социальной сплоченности и социальной солидарности населения. Однако было бы неверно утверждение, что такое социально-психологическое явление, как ксенофобия стало специфическим порождением исключительно индустриального этапа развития человеческого общества. Ксенофобия – это, скорее, атавизм, корни которого уходят даже не в первобытный, а доисторический, стадный этап эволюции человека, когда предельно настороженное отношение к чужаку было условием биологического выживания.

В современном обществе развитию ксенофобии способствует предельное отчуждение, свойственное урбанизированным типам поселения. Чтобы объяснить эту взаимосвязь, необходимо вспомнить ставшее классическим представление немецкого социолога второй половины XIX – первой половины XX веков Ф. Тённиса о двух базовых типах человеческого сообщества – *Gemeinschaft* и *Gesellschaft*. Если первый олицетворяет собой соседскую общину с высоким уровнем социальной сплоченности, неформальностью и душевностью отношений, цементирующую основу которых составляют многообразные кровнородственные межличностные связи, то второй представляет атомизированное сообщество индивидов, основными регуляторами отношений в рамках которого являются формальный закон и полиция. Межличностные связи здесь сокраще-

ны и упрощены до минимума, чувство принадлежности к семье уступает место чувству принадлежности к социальной группе, возникающей по этническому и (или) профессиональному признаку. Дополнительными признаками являются наличие/отсутствие собственности (уровень дохода) и отношение к иерархии государственной власти. Нетрудно заметить, что понятие *Gesellschaft* на практике соответствует социальной ситуации, повсеместно возникающей в условиях урбанизированной территориально-поселенческой среды.

Сама атмосфера современного большого города способствует нарастанию отчуждения в отношениях людей между собой и, как следствие, повышает уровень их напряженности и агрессивности при осуществлении разнообразных межличностных контактов. Комментируя эту ситуацию, заместитель главного редактора общественно-политической газеты «Завтра» А.А. Фефелов отмечает [5], что в современном городе «скопилось огромное количество представителей одной и той же особи – это колоссальная популяция, которая сконцентрирована на очень маленьком пятачке, на одной небольшой территории». По мнению А.А. Фефелова, данный фактор влияет на индивидуальное сознание и социальное поведение индивидов двумя способами: человек или впадает в тотальную толерантность, которая является не чем иным, как признаком социальной апатии, или наоборот проявляет крайнюю степень агрессии.

В большом городе, в обстановке скученности представления о личном пространстве индивида, его автономии и суверенности фактически нивелируются объективными условиями повседневного принудительного совместного существования больших человеческих масс: даже когда люди едут в метро, тесно прижавшись друг к другу, они не хотят смотреть в глаза своим соседям, поскольку этого общения, этой близости и так достаточно в огромном, большом городе, а прямой взгляд незнакомого человека вне зависимости от его индивидуальной мотивации будет изначально восприниматься если не враждебно, то настороженно, как очевидная попытка вторжения в личное пространство, таящее в себе скрытую угрозу.

Это представление о другом человеке как потенциальном источнике опасности в условиях современной городской цивилизации начинает формироваться уже с самых ранних детских лет. Сначала – это категорические предупреждения родителей не общаться с незнакомыми и малознакомыми людьми. Распространение педофилии и насилия по отношению к несовершеннолетним при очевидной неспособности правоохранительной системы современного общества к эффективному противодействию преступным посягательствам на жизнь, здоровье, честь и достоинство рядового человека только усиливают ригоризм родительских требований и степень порождаемых этими требованиями опасений. Постоянная жизнь в условиях запертых железных дверей, камер видеонаблюдения, передвижения только в сопровождении взрослых, либо, как альтернативный вариант, в школьных автобусах, укореняет в сознании ребенка представление об исключительно враждебном характере окружающего мира.

Дальнейшей кристаллизации образа «враждебного иного» в подростковом возрасте способствуют массовая культура и социальная среда, в которой

происходит ежедневное общение. При этом степень агрессивности во взаимодействии современного подростка с окружающим миром прямо зависит от того, какие цели и ценности проповедаются посредством кинематографа и электронных средств массовой информации – телевидения и компьютерных сетей. Все возможные триллеры, фильмы ужасов, боевики, компьютерные игры не только способствуют нагнетанию атмосферы вражды и ненависти, но и одновременно формируют установку на превентивную агрессию как лучший способ устранения любых опасностей и страхов, исходящих от внешних враждебных сил. Именно поэтому наиболее очевидные проявления ксенофобии связывают с подростковой средой, поскольку именно в этом возрасте внутренняя неприязнь к тому, что лежит вонне самого носителя неприязни реализуется через активную агрессивную позицию.

Однако по мере взросления индивида активное чувство неприязни переходит в латентное состояние – социальную апатию – и предстаёт уже как своеобразное отражение предыдущего негативного социального опыта столкновений с внешним миром. Это та самая апатия, пишет А.А. Фефелов, которая является визитной карточкой современной цивилизации, поскольку если этой апатии не будет, «возникнет страшная грызня – борьба за территорию, борьба за место» [5].

В условиях социальной апатии намеренно демонстрируемая в подростковом возрасте агрессивность сменяется во взрослом возрасте предельной толерантностью. Этот фактор, несомненно, влияет на нас всех и влияет иногда парадоксальным образом: волны ненависти и агрессии друг к другу, так или иначе, возникающие в перенаселенном обществе, трансформируются в равнодушные и нежелание общаться с ближними. При этом чувство опасности и настоятельного отношения к окружающим продолжает сохраняться, только из эпатажного, преднамеренно демонстрируемого в подростковом возрасте состояния они становятся вторым, зачастую по тем или иным причинам тщательно скрываемым «Я» современного горожанина.

По информации журналиста Д. Беляева [6], только 20% из трех тысяч опрошенных жителей одного из домов в городе Москве пользуются своим двором – гуляют с детьми, сидят на лавочках и как-то общаются с соседями. Остальные каждый день просто проходят мимо. Комментируя эту ситуацию, Д. Беляев ссылается на мнение научного сотрудника Высшей школы урбанистики П. Иванова, который прямо указывает на то, что жители российской столицы в большинстве своем не пользуются своими дворами, не считают полезными и даже боятся их. Стереотипные представления горожан о своих дворах основаны на том, «что там есть только бабушки на лавочках, алкоголики, играющие в домино, и преступные шайки. Поэтому любая попытка пообщаться с кем-то уже на подсознательном уровне обречена» [6]. В качестве примера П. Иванов привёл случай из своей практики, «когда один из респондентов заявил, что в половине всех квартир живут скинхеды, которые везде рисуют свастику. Мы обошли весь двор и ни одной свастики не нашли. Но жильца этого двора такой поворот событий не переубедил». О том, что горожане все чаще и чаще избегают

общаться с посторонними людьми, свидетельствует и тот факт, что люди все реже ставят дверные звонки [6].

Таким образом, действительные социально-психологические причины, воспроизводящие механизм ксенофобии в современном обществе, порождаются испытываемым людьми по отношению друг к другу недоверием, которое формируется под влиянием углубляющейся в условиях современного города дезинтеграции социальной среды.

Единственным средством исцеления этой затянувшейся и явно имеющей в современных социально-политических условиях тенденцию к обострению социальной болезни является диверсификация социальных, экономических и политических функций современных мегаполисов и разукрупнение больших городов. Никакая социальная реклама, никакие меры полицейского контроля и нормативно-правовой репрессии не способны устранить основной источник ксенофобии – отчуждение и атомизацию индивидов в условиях современных урбанизированных поселений городского типа. Научно-технические и экономические возможности человеческой цивилизации при условии плановости и научной обоснованности социального управления позволяют современному обществу осуществить новый переход от обезличенного и агрессивного Gesellschaft к персонализированному и одухотворенному Gemeinschaft без всякой потери того уровня комфорта, который свойственен современному городу.

Литература

1. Большая советская энциклопедия на Яндекс. URL: <http://slovari.yandex.ru/~%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8/%D0%91%D0%A1%D0%AD/>
2. *Зиновьев А.А.* Запад. Феномен западнизма. – Москва: Центрполиграф, 1995.
3. *Зиновьев А.А.* Нормы и отклонения / Коммунизм как реальность. URL: <http://readr.ru/aleksandr-zinovev-kommunizm-kak-realnost.html?page=9>
4. Обзор работы Рывкиной И.В. «Социальные болезни современной России» на сайте «Демоскоп Weekly». URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0497-/biblio02.php>
5. *Фефелов А.А.* Душегубка мегаполиса. URL: <http://dentv.ru/#!/content/view/dushegubka-megapolisa/>
6. *Беляев Д.* Москвичи боятся дворов и не хотят общаться с соседями // Метро. 2013. № 38 (59/2737).

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

УДК 364.2

Пакляченко М.Ю.

(Воронежский институт МВД России)

Аннотация: в статье рассмотрены вопросы организации противодействия экстремистской деятельности в информационной сфере, реализуемой, главным образом, посредством создания и распространения экстремистских материалов в сети Интернет, а также иными способами на базе информационных технологий и услуг. В качестве превентивных мер борьбы с экстремизмом предложено создание на базе ведомственных вузов информационных консультационных центров, в которых будет задействован постоянный и переменный состав образовательных организаций системы МВД России.

Ключевые слова: экстремизм, информационная безопасность, противодействие, пропаганда, полиция, МВД.

ISSUES OF COUNTERMEASURE THE EXTREMIST ACTIVITY IN INFOSPHERE

Paklyachenko M.Yu.

(Voronezh institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article deals with the organization of countermeasure to extremist activity in infosphere, which is mainly implemented through the creation and amplification of extremist materials in the Internet, and by other ways, which are based on information technologies and services. As a safety precautions the establishment of information centers based on higher law enforcement education institution is suggested. The involving of regular and non-permanent personnel assets in cases of this nature is submitted.

Key words: extremism, information security, countermeasure, masterminds, police, the Ministry of Internal Affairs.

Разительная скорость процессов информатизации различных сфер деятельности общества и государства, инкорпорация в жизнь компьютерных и информационных технологий являются базисом для создания единого информационного пространства в масштабах всей планеты, составными элементами которого являются технологии коммуникаций, а также методы и алгоритмы сбора, обработки, хранения и обмена информацией. Сопутствующими развития и совершенствования указанных процессов являются вопросы, а также проблемы обеспечения информационной безопасности (ИБ). Ученые в данной сфере [1, с. 93; 2, с. 233; 3, с. 187] в числе наиболее актуальных проблем обеспечения ИБ выделяют противодействие экстремистской деятельности в информационной сфере.

По данным ФКУ ГИАЦ МВД России [4, с. 3], за период с января по июнь 2017 года зарегистрировано 848 преступлений экстремистской направленности,

а общее число преступлений, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, составляет практически 40 тысяч. Приведенная статистика подтверждает актуальность рассмотрения сущности экстремистской деятельности, реализация которой за последнее время сопряжена с использованием методов, средств, форм и технологий медиасреды. Вместе с изучением генезиса рассматриваемого явления востребованным является также выявление эффективных способов борьбы с ним. Именно такие цели преследует данная научная статья.

Формами экстремистской деятельности в медиасреде, классифицируемые по Федеральному закону от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (114-ФЗ), могут быть практически все те, которые возможно реализовать посредством использования информационно-коммуникационных технологий, но главным образом:

- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

- пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций;

- публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;

- публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, являющихся преступлением;

- финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг.

Указанные выше действия и формы их реализации (пропаганда, демонстрирование и публичность, оказание информационных услуг) в медиасреде можно охарактеризовать описаниями, приведенными в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ [5, с. 5] и в комментариях к УК РФ [6, с. 711], например:

- под публичными призывами (статья 280 УК РФ) следует понимать призывы, выраженные в любой форме, в том числе с использованием технических средств, информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, включая сеть Интернет;

- публичная реализация призывов возможна путем размещения обращения в информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования, включая сеть Интернет, например, на сайтах, в блогах или на форумах, распространение обращений путем веерной рассылки электронных сообщений;

– призывы носят открытый, доступный для понимания характер и обращены к широкому кругу людей.

Как видно, в содержании Постановления Пленума присутствуют основные элементы медиасреды и судьи Верховного Суда признают возможность использования информационных технологий для совершения преступлений экстремистской направленности. Кроме того, для многих преступлений, приведенных выше, использование медиасреды является квалифицированным составом.

В этой связи возрастает роль и значение Интернета как главного компонента медиасреды для всех без исключения его пользователей. Важно при этом отметить способности в использовании медиасреды, уровень компьютерной подготовленности и информационно-правовое сознание пользователей. Эти и другие аспекты в совокупности и глобально формируют отношение человека к такой составляющей жизнедеятельности, как ИБ. Важность обеспечения ИБ личности, общества и государства вполне обоснованна и оправданна, что подтверждается принятием ряда законодательных и иных нормативных правовых актов, а также разработкой на их основе государственных целевых программ, стратегий и концепций по направлениям обеспечения или реализации процессов информатизации вместе с защитой информации.

Вопрос законодательного толкования термина «информационные услуги» остается открытым. Ранее в Федеральном законе от 04.07.96 № 85-ФЗ «Об участии в международном информационном обмене» (утратил силу) под такими услугами понимались действия субъектов по обеспечению пользователей информационными продуктами. В свою очередь, информационные продукты – это документированная информация, подготовленная в соответствии с потребностями пользователей и предназначенная или применяемая для удовлетворения потребностей пользователей.

Последний термин в своем содержании достаточно близок к понятию «материалы». В свете положений 114-ФЗ экстремистские материалы – это предназначенные для обнародования документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности, в том числе труды руководителей национал-социалистической рабочей партии Германии, фашистской партии Италии, публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы.

Информационные материалы признаются экстремистскими федеральным судом по месту их обнаружения, распространения или нахождения организации, осуществившей производство таких материалов, на основании заявления прокурора или при производстве по соответствующему делу об административном правонарушении, гражданскому, административному или уголовному делу. Одновременно с решением о признании информационных материалов экстремистскими судом принимается решение об их конфискации.

Действующий Федеральный список экстремистских материалов [7, с. 455-481] за последний год пополнился именно информационными материалами, размещаемыми в сети Интернет (п.п. 4016-4186 списка). Ранее лидировали листовки, музыкальные альбомы, альманахи и статьи (п.п. 1-1000 списка), теперь же преступники распространяют экстремистские материалы оперативнее с использованием средств и технологий, порожденных информатизацией: создаются интернет-сообщества, публикуются посты вербальной и визуальной информации на базе блог-платформ и социальных сетей.

Очевидно, что противодействие экстремизму и терроризму в сети Интернет является одним из актуальных направлений деятельности органов государственной власти, правоохранительных органов на современном этапе. Для предупреждения экстремистской деятельности необходимы разработка и проведение профилактических мероприятий. В настоящее время практически во всех регионах страны разработаны планы мероприятий по профилактике ксенофобии, которые утверждены в рамках программ по борьбе с преступностью либо в виде отдельных целевых программ, принимаются комплексные программы по профилактике экстремизма в молодежной среде.

В дополнение к указанным мероприятиям предлагается создание на базе образовательных организаций системы МВД, выпускающих специалистов в области информационной безопасности, специальных информационно-консультационных центров.

Информационно-правовой ликбез по вопросам защиты информации будет выступать главным направлением деятельности аналогично юридическим клиникам центров для обращения граждан по вопросам информационной безопасности. В качестве консультантов могут быть задействованы курсанты и слушатели, обучающиеся по специальностям 10.05.02 Информационная безопасность телекоммуникационных систем и 10.05.05 Безопасность информационных технологий в правоохранительной сфере. В подобного рода центрах вместе с консультированием предлагается осуществление технической поддержки мероприятий по просвещению и воспитанию, методической и научно-исследовательской деятельности, результатами которых могут быть короткометражные ролики, буклеты и брошюры, содержащие рекомендации и алгоритмы действий по обеспечению информационной безопасности и противодействию экстремизму.

Курсанты и слушатели в рамках выполнения курсовых проектов, практик могут подготавливать и проводить обучающие занятия для школьников по направлениям обеспечения ИБ, основам выявления экстремистских материалов, размещенных в сети Интернет, и должного на них реагирования.

Важно отметить, что расширение средств и способов борьбы с экстремизмом за счет учета мнения представителей молодежи, т.е. курсантов как будущих правоохранителей, принципиально важно, поскольку именно они являются представителями нового поколения, чувствующего информатизацию на интуитивном уровне.

В заключение хотелось бы отметить, что эффективное противодействие экстремистской деятельности, в частности обеспечение информационной безо-

пасности, достижимо при консолидации усилий всех органов государственной власти и общественности путем формирования их правосознания, культуры и образования по основным вопросам защиты личности, общества и государства.

Литература

1. *Александров А.Г.* Распространение молодежного экстремизма в глобальной сети Интернет // Вестник Краснодарского университета МВД. 2014. № 1. С. 93-96.

2. *Иванченко Р.Б., Иванченко О.С.* О некоторых проблемах противодействия экстремизму в информационной среде Интернет / Современные проблемы уголовной политики: материалы V Международной научно-практической конференции, 3 окт. 2014 г. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2014. Т II. С. 233-241.

3. *Корпусова М.В., Темерева А.В.* Информационная безопасность государства и угроза экстремизма: сборник статей Международной научно-практической конференции «Влияние науки на инновационное развитие». – Уфа: Аэтерна, 2016. С. 187-190.

4. Состояние преступности в России за январь-июнь 2017 года [Электронный ресурс]: Министерство внутренних дел Российской Федерации, ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen

5. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 03.11.2016) // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru>

6. Комментарий к УК РФ с участием ФЗ № 329-ФЗ, 330-ФЗ, 375-ФЗ / отв. ред. А.И. Рарог. – Москва: Проспект, 2017. – 912 с.

7. Федеральный список экстремистских материалов: [Электронный ресурс]: Министерство юстиции Российской Федерации. URL: <http://minjust.ru/ru/extremist-materials>

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ

УДК 342:343

Переверзев Е.А.,

кандидат юридических наук, доцент

(Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье рассматриваются правовые основы деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по противодействию проявлениям экстремизма в современной России. Особое внима-

ние уделено рассмотрению вертикальной (иерархической) системы построения действующего законодательства, а также правового регулирования противодействия экстремизму на муниципальном уровне.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, противодействие экстремизму, проявления экстремизма, местное самоуправление.

O THE QUESTION OF LEGAL REGULATION COUNTERACTION TO EXTREMISM

Pereverzev E.A.,

candidate of jurisprudence sciences

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article examines the legal basis for the activities of federal bodies of state power, state authorities of the subjects of the Russian Federation and local self-government bodies to counter manifestations of extremism in modern Russia. Particular attention is paid to the consideration of the vertical (hierarchical) system of building the current legislation, as well as the legal regulation of counteraction to extremism at the municipal level.

Key words: terrorism, extremism, counteraction to extremism, manifestations of extremism, local self-government.

Проблема противодействия экстремизму в современной России является предметом постоянного внимания российских ученых и практиков. Это связано с целым рядом объективных обстоятельств, и в первую очередь с тем, что, без преувеличения, экстремизм сегодня является глобальным вызовом и кризисом современности, сложной социально-политической проблемой современного российского общества.

Экстремистские проявления отличаются многообразием, состав организаций экстремистской направленности является неоднородным.

В этой связи поддержание межконфессионального диалога и толерантности органами государственной власти, местного самоуправления, различными правозащитными и иными общественными организациями призвано обеспечить гражданский мир и согласие.

Все это возможно только при наличии требуемой временем законодательной базы в рассматриваемой сфере. Можно сказать, что в России сегодня приняты соответствующие меры по формированию и совершенствованию нормативной правовой базы, регламентирующей вопросы противодействия экстремизму.

С учетом отмеченного есть основания констатировать, что проблема правового регулирования общественных отношений в сфере противодействия проявлениям экстремизма чрезвычайно важна. От того, насколько четко будут урегулированы данные отношения, зависит состояние защищенности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз во всех сферах жизнедеятельности.

Анализ нормативных правовых актов в части, касающейся противодействия экстремизму, свидетельствует о наличии достаточно широкой правовой базы, которая в полной мере отвечает сложившейся в правовой теории оценке многомерности системы российского законодательства в целом, выделению разноплоскостного проявления ее структуры:

- горизонтальной (отраслевой),
- вертикальной (иерархической).

Горизонтальная структура законодательства – наиболее близка к системе права. Она между тем не совпадает с какими-либо подразделениями в праве, сложилась как инкорпорированная общность нормативных источников, объединенных законодателем по рассматриваемому предметно-целевому критерию регулирования – противодействие проявлениям экстремизма.

Данная структура законодательства представлена комплексным нормативным массивом, призванным регулировать достаточно широкие и разносторонние грани общественных отношений, характеризуется многоотраслевым юридическим потенциалом ее элементов.

Законодательство как система может быть рассмотрено и под углом зрения уровневой архитектоники расположения его структурных элементов. Это вертикальная плоскость проявления структуры, где, в свою очередь, ее сложные по составу элементы, находясь в коррелятивных внутрисистемных отношениях, подчинены иерархической зависимости, обусловленной разностью юридической силы.

Элементы этого варианта структуры представлены следующими субординационными блоками:

1. Нормативные акты, принимаемые федеральными органами государственной власти Российской Федерации и Президентом Российской Федерации. К данной группе правовых актов относятся федеральные законы, указы и распоряжения, издаваемые Президентом Российской Федерации, постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации.

Основой государственной политики в сфере противодействия экстремизму является Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [1, ст. 3031], который принят в развитие конституционных положений и корреспондирующих им международно-правовых норм, определяющий основные принципы и направления государственной политики в области противодействия экстремистской деятельности.

В соответствии с Указами Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [2, ст. 212] и от 28.11.2014 № Пр-2753 «О Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» [3] экстремистская деятельность националистических, радикальных религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной обстановки в стране, признана одним из источников угроз национальной безопасности Российской Федерации.

В рамках реализации положений вышеназванных нормативных правовых актов Правительством Российской Федерации также разрабатываются и принимаются соответствующие постановления [4, ст. 3541] и распоряжения [5, ст. 1524].

2. Нормативные правовые акты, принимаемые органами законодательной (представительной) власти и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации. К данной группе правовых актов относятся законы субъектов федерации, постановления и распоряжения исполнительных органов [6; 7; 8].

3. Нижний, или первичный, уровень правового регулирования противодействия экстремизму образуют нормативные правовые акты, принимаемые на муниципальном уровне. Их также можно классифицировать по группам.

Первую группу образуют уставы муниципальных образований. С точки зрения содержания, уставы представляют собой учредительные акты, в которых применительно к предмету рассмотрения в числе прочих положений закрепляются положения о том, что к вопросам местного значения относится участие в профилактике терроризма и экстремизма, а также в минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма и экстремизма в границах муниципального образования [9].

Вторую группу данного уровня составляют правовые акты выборных представительных органов [10] и исполнительных органов [11], а также иных должностных лиц местного самоуправления. Если говорить об иерархии рассматриваемых актов, то среди них наибольшую значимость имеют решения выборных представительных органов местного самоуправления. Особое место этих актов обусловлено компетенцией органов, их принявших, их представительным характером.

Третье по значению место в системе правовых актов, регулирующих вопросы противодействия экстремизму, занимают акты глав муниципальных образований [12]. Глава муниципального образования осуществляет исполнительно-распорядительные функции и возглавляет исполнительный орган местного самоуправления. Его акты занимают в иерархии актов муниципальной власти положение на ступеньку ниже, чем акты представительного органа местного самоуправления. Это проявляется не только в перечне вопросов, решаемых главой муниципального образования, но и в обязательности решений представительного органа местного самоуправления для главы муниципального образования и в праве первого отменять или приостанавливать решения последнего в случае их несоответствия закону или уставу муниципального образования.

Четвертую, завершающую группу актов, регулирующих вопросы противодействия экстремизму, составляют нормативные правовые акты иных должностных лиц, назначаемых представительным органом местного самоуправления или главой муниципального образования. Речь идет о функциональных подразделениях исполнительной власти на муниципальном уровне: советах безопасности [13] и т.д. Руководители (секретари) этих подразделений по ряду вопросов также имеют право издавать в пределах своей компетенции правовые

акты, являющиеся источниками норм, регулирующих общественные отношения в интересующей нас области общественных связей.

С учетом изложенного в основе мер по противодействию экстремизму на муниципальном уровне лежат:

- нормативные правовые акты федеральных органов государственной власти, которые устанавливают основные принципы и направления такой деятельности;
- нормативные правовые акты органов государственной власти субъектов Российской Федерации;
- соответствующие программы, предусматривающие формирование системы профилактики экстремизма и терроризма, предупреждения международных конфликтов на муниципальном уровне.

В ряде муниципальных образований такие программы (планы) являются составной частью программ обеспечения безопасности жизнедеятельности населения муниципальных образований.

Муниципальные программы (планы) в рамках противодействия экстремизму включают положения, согласно которым предусматривается:

- проведение разъяснительной работы среди молодежи и подростков о недопущении националистических и иных экстремистских проявлений с их стороны;
- проведение мониторинга деятельности религиозных, молодежных, общественных и политических организаций и объединений граждан в целях выявления и пресечения экстремистских проявлений с их стороны и недопущения совершения преступлений и правонарушений на национальной почве и другие действия.

Таким образом, деятельность по противодействию экстремизму на муниципальном уровне строится в рамках действующего федерального законодательства, законодательства субъектов Российской Федерации и нормативных актов, принимаемых органами местного самоуправления.

Выделив вышеназванные блоки нормативных правовых актов, следует подчеркнуть, что эффективность деятельности всех субъектов противодействия экстремизму зависит прежде всего от законодательного урегулирования вопросов данного направления деятельности и является важным этапом на пути к созданию надежных механизмов защиты интересов государства, общества, прав и свобод человека и гражданина.

Литература

1. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.
2. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1. Ч. 2. Ст. 212.
3. Указ Президента Российской Федерации от 28.11.2014 № Пр-2753 «О Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» // www.scrf.gov.ru (по состоянию на 16.02.2016).

4. Постановление Правительства Российской Федерации от 05.06.2017 № 681 «О представлении Президенту Российской Федерации предложения о подписании Конвенции Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму» // СЗ РФ. 2017. № 24. Ст. 3541.

5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23.02.2017 № 348-р «О подписании Соглашения об обмене информацией в рамках Содружества Независимых Государств в сфере борьбы с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма, а также их финансированием» // СЗ РФ. 2017. № 10. Ст. 1524.

6. Постановление Правительства Белгородской области от 02.06.2014 № 205-пп «О системе мониторинга состояния межнациональных и межконфессиональных отношений и оперативного реагирования на проявления религиозного и национального экстремизма на территории Белгородской области (вместе с "Положением об организации мониторинга состояния межнациональных и межконфессиональных отношений и оперативного реагирования на проявления религиозного и национального экстремизма на территории Белгородской области")» // Сборник нормативных правовых актов Белгородской области. 2014. № 48. Т. 1.

7. Постановление Правительства Белгородской области от 28.10.2013 № 442-пп «Об утверждении государственной программы Белгородской области "Обеспечение безопасности жизнедеятельности населения и территорий Белгородской области на 2014-2020 годы"» // Официальный сайт Губернатора и Правительства Белгородской области. URL: <http://www.belregion.ru>.

8. Распоряжение Правительства Белгородской обл. от 22.06.2015 № 318-рп «Об утверждении межведомственного комплексного плана мероприятий по противодействию идеологии терроризма и экстремизма на территории Белгородской области на 2015-2020 годы» // Текущий архив администрации Белгородской области.

9. Решение Белгородского городского Совета депутатов от 29.11.2005 № 197 «О принятии Устава городского округа "Город Белгород"» // Наш Белгород. 2005. 16 декабря.

10. Решение Муниципального совета Ивнянского района Белгородской области от 26.06.2008 № 5/36 «О районной межведомственной целевой программе "Комплексные меры профилактики проявлений терроризма и экстремизма на территории Ивнянского района на 2008-2011 годы"» // Муниципальный вестник. 2008. № 5-6. (Приложение к газете «Родина». 2008. 9августа).

11. Распоряжение администрации города Белгорода от 12.05.2010 № 1799 (в ред. 29.09.2017) «О создании экспертного совета по выработке информационной политики в сфере профилактики террористических и экстремистских проявлений на территории города Белгорода» // Наш Белгород. 2010. 15 мая.

12. Распоряжение главы администрации Ракитянского района Белгородской области от 28.04.2010 № 547 «О создании экспертного совета по выработке информационной политики в сфере профилактики террористических и экстремистских проявлений на территории Ракитянского района» // Текущий архив администрации Ракитянского района Белгородской области.

13. Постановление администрации Борисовского района Белгородской области от 23.04.2015 № 25 (в ред. от 07.03.2017) «О Совете безопасности муниципального района Борисовский район Белгородской области» // Муниципальный вестник. (Приложение к газете «Призыв». 2015. 16 мая).

СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ МЕЖДУНАРОДНОМУ ТЕРРОРИЗМУ

УДК 341.45

Пузырева Ю.В.,

кандидат юридических наук;

Кочетков А.А.

(Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя)

Аннотация: в данной статье дается обзор взаимодействия государств в вопросах борьбы против терроризма. Отдельно анализируется взаимодействие на универсальном и региональном уровнях. Делается вывод о том, как в рамках различных международных соглашений государства развивают общую стратегию взаимодействия, подчеркивая, что терроризм как явление является неприемлемым социальным явлением независимо от его форм и проявлений.

Ключевые слова: международный терроризм, сотрудничество государств, ООН, СНГ, безопасность.

COOPERATION OF STATES IN COMBATING INTERNATIONAL TERRORISM

Puzyreva Yu.V.,

candidate of jurisprudence sciences;

Kochetkov A.A.

(Moscow University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation named after V.J. Kikot)

Abstract: this article provides an overview of interaction of states in the fight against terrorism. Separately analyzed the interaction at universal and regional levels. The conclusion is drawn on, how states develop a common strategy of interaction, accenting that terrorism is unacceptable in all forms and manifestations.

Key words: international terrorism, cooperation of states, UN, CIS, security.

На сегодняшний день мировым сообществом уже признан тот факт, что международный терроризм является одной из глобальных угроз человечеству. Безусловно, феномен это сложный, имеющий многолетнюю историю возникновения и выживания в условиях различных политических режимов. Однако не стоит сужать эту проблему лишь до сферы политики. Терроризм – это многоас-

пектное явление, предполагающее не только наличие самого преступного акта или действия, но и последствий в виде причиненного ущерба, целью которого является, в том числе, и устрашение населения. Чем прогрессивнее развивается мировой террор, тем более разнообразными становятся его формы. Ему присущ целый ряд специфических черт. *Во-первых*, он является «формой организованного насилия», что подразумевает использование силовых действий для причинения физического ущерба населению. *Во-вторых*, террористы зачастую используют насилие для достижения политических целей. При этом существует еще и такая форма, как «уголовный терроризм», используемая преступными элементами для запугивания и шантажа как в отношении правительства, так и гражданского населения и отдельных лиц. *В-третьих*, террор объединяет в себе «высокий уровень политической мотивации с низким уровнем вовлеченности масс». Следует отметить, что в большинстве случаев теракты направлены прежде всего на мирное население. *В-четвертых*, теракты нацелены в большинстве случаев не только на немедленное причинение ущерба жертве, но также с целью вызвать эффект устрашения населения, что во многих случаях и является основной целью. Не случайно в научно-исследовательской литературе терроризм зачастую рассматривается как «форма политического общения», как средство оказания давления на общество или его определенную часть. Нельзя не отметить и тот факт, что терроризму свойственен религиозный оттенок. Религия, являясь формой идеологии, может рассматриваться как совокупность представлений о достижении лучшего мира путем создания миропорядка и образа жизни, в соответствии с конкретными религиозными предписаниями. Зачастую религия используется как средство дифференциации людей и причисление одних социальных групп к категории врагов, с которыми необходимо вести борьбу.

Для выбора успешной тактики борьбы с разрастающимся международным терроризмом требуются скоординированные и решительные действия, преследующие цели создания новых форм и способов правового, политического, экономического, военного межгосударственного взаимодействия. Такой подход поддерживается многими государствами, реализуясь в документах, принимаемых на различных уровнях.

На универсальном уровне в рамках Совета Безопасности ООН работает несколько целевых комитетов, учрежденных резолюциями данного органа:

➤ S/RES/1267 (1999) от 15 октября 1999 г. и S/RES/1989 (2011) от 17 июня 2011 г., учреждающие Комитет по санкциям в отношении «Аль-Каида» и связанным с ней лицам и организациям, который с декабря 2015 г. стал именоваться Комитет по санкциям против ИГИЛ (ДАИШ) и «Аль-Каиды»;

➤ S/RES/1373 (2001) от 28 сентября 2001 г., учреждающая Контртеррористический комитет;

➤ S/RES/1540 (2004) от 28 апреля 2004 г., учреждающая Комитет 1540, ответственный за оказание помощи государствам – членам ООН по реализации положений данной резолюции;

➤ S/RES/1988 (2011) от 17 июня 2011 г., учреждающая Комитет по санкциям 1988 (по организации «Талибан»).

Главное назначение данных органов – объединить усилия государств по противодействию террористическим группировкам и лицам, связанным с ними посредством «замораживания» средств и других финансовых активов или экономических ресурсов таких лиц и организаций; запрет въезда на свою территорию или транзита через нее лицам, включенным в перечень; эмбарго на поставки оружия и др. [6, с. 27].

Резолюции Совета Безопасности ООН являются обязательными для исполнения государствами-членами ООН [1, ст. 25].

Что же касается универсального уровня борьбы с терроризмом, то он представлен активной деятельностью государств в рамках таких организаций, как:

➤ Шанхайская организация сотрудничества – правовой основой противодействия терроризму является Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2001 г., а также Соглашение между государствами – членами ШОС о Региональной антитеррористической структуре (РАТС) 2002 г. [3, ст. 1];

➤ Совет Европы – взаимодействие основывается на Европейской конвенции о пресечении терроризма 1977 г., Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 г. В рамках данной организации также создан специализированный орган – Комитет экспертов по борьбе с терроризмом [5, ст. 12];

➤ Содружество Независимых Государств – правовой основой борьбы с терроризмом является Договор о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с терроризмом от 4 июня 1999 г., Программа сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма на 2017-2019 гг. Также определен специализированный орган – Антитеррористический центр государств – членов СНГ [4, ст. 1].

Вместе с тем при поддержке такой тенденции наблюдается и тенденция «уклонения» отдельных государств от подобного рода сотрудничества. Они видят наиболее приоритетным направлением борьбу с отдельными проявлениями террористических угроз. К сожалению, имеет место быть практика открытой поддержки отдельными государствами террористических организаций, исходя из собственных «стратегических» интересов, в первую очередь посредством их финансирования, материально-технического оснащения. Эти аспекты, к сожалению, снижают эффективность антитеррористического взаимодействия.

Таким образом, мы видим, что международный терроризм остается одной из важнейших угроз мировому сообществу. Вопросы эффективного противодействия данной угрозе остаются актуальными при поиске оптимальных направлений сотрудничества государств как на универсальном, так и на региональном уровне путем принятия соглашений, направленных на координацию деятельности государств в борьбе с преступлением, посягающим на международный мир и безопасность.

Литература

1. Устав Организации Объединенных Наций. – Сан-Франциско, 1945.
2. Программа сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма на 2017-2019 гг.
3. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. – Шанхай, 2001.
4. Решение Совета глав государств СНГ «О создании Антитеррористического центра государств – участников Содружества Независимых Государств» от 21 июня 2000 г.
5. Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 г.
6. *Шалягин Д.Д., Пузырева Ю.В.* Международное сотрудничество в борьбе с преступностью: учебное пособие. – Москва: МосУ МВД России, 2014.
7. *Шленкова А.И., Пузырева Ю.В.* Актуальные вопросы регионального сотрудничества государств в борьбе с преступлениями международного характера // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2016. № 1(30).

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНЫМ ПОСЯГАТЕЛЬСТВАМ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СПОРТИВНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ЗА РУБЕЖОМ: ПРОБЛЕМЫ УРБАНИСТИЧЕСКОЙ КРИМИНОЛОГИИ

УДК 343.9

Селин Б.Н.,

кандидат педагогических наук;

Селина И.А.

(Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в современных условиях становления правового государства актуальной проблемой профилактики преступлений в период подготовки и при проведении массовых спортивных мероприятий является изучение опыта работы правоохранительных органов зарубежных стран, основывающихся на принципах урбанистической криминологии.

В работе рассматриваются отдельные аспекты современной зарубежной криминологии социологического направления, в частности, урбанистическая криминология, позволяющая рассматривать проблемы профилактики преступлений посредством изучения дизайна среды жизнедеятельности человека.

Раскрываются сущность и структурные элементы урбанистической криминологии, положения которой детерминируют разработку и применение правоохранительными органами стран зарубежья мер обеспечения безопасности спортивных и иных массовых мероприятий и объектов их проведения, а также принципы их криминологической экспертизы.

Подробно исследуется практика реализации идей урбанистической криминологии применительно к обеспечению безопасности граждан на спортив-

ных объектах и в процессе проведения спортивных состязаний; выявляются наиболее оптимальные подходы и идеи, которые могут быть использованы в деятельности правоохранительных органов России.

Ключевые слова: спортивные мероприятия, обеспечение безопасности, урбанистическая криминология, правоохранительные органы, профилактика преступлений, среда жизнедеятельности.

COMBATING CRIMINAL ACTIONS COMMITTED IN THE LINE OF SPORT EVENTS ABROAD: ENVIRONMENTAL CRIMINOLOGY ISSUES

Selin B.N.,

candidate of pedagogical sciences;

Selina I.A.

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the contemporary period of a legal state formation has generated the problem of crime prevention which became actual for the period of preparation and execution of mass sporting events. Thus, it is quite evident to study the good practices of foreign law enforcement agencies in this area which is based on the principles of urban criminology.

The paper discusses some aspects of modern foreign criminology of sociological sphere, in particular, urban criminology that allows us to consider problems of crime prevention through the study of the design of the human environment.

The essence and the structural elements of urban criminology the provisions of which determine development and application of the law enforcement agencies of foreign countries measures to ensure the security of sporting and other mass events and objects of their conduct and their principles of criminological expertise.

The detailed analysis of practice of realization of ideas of urban criminology in relation to the security of citizens at sports facilities and during sports competitions are investigated; the identification of the most optimal approaches and ideas that can be used in practice of law enforcement bodies of Russia are also discovered.

Key words: sport events, provision of security, urban criminology, law enforcement agencies, crime prevention, human environment.

На рубеже XX века и особенно в начале нынешнего столетия наблюдается невиданный рост уровня преступности, происходят значительные изменения в ее структуре, появляются новые формы и виды, что способствует поиску ранее неизвестных способов противодействия, происхождение которых во многом связано с инновационными изменениями в теории и практике зарубежной криминологии. Зарубежные, и прежде всего американские и западноевропейские, криминологи явили миру юриспруденции ряд новых методологических подходов.

Одним из направлений, выделяемых в последние годы видными представителями зарубежной криминологии в рамках ситуативного реагирования на

совершенные преступления (П. Дж. и П.Л. Брантингхэм, Р. Кларк, Дж. Рэдклифф, А. Хиршфильд, С. Чейни и др.), является *теория урбанизации*. Эта теория зародилась после Второй мировой войны в США и получила широкое распространение в 60-70-х гг. прошлого века, помимо Соединенных Штатов и Канады, в таких западноевропейских странах, как Великобритания, Франция, Нидерланды, Норвегия, Италия и др. Научно-техническая революция и порождаемые ею индустриализация, урбанизация, массовая миграция и другие явления, по мнению западных ученых, разрушают семейные, культурные и другие традиционные связи, вследствие чего возрастает уровень насильственной, корыстной преступности.

Данная теория имеет множество последователей, которые развили ее, дополнив рядом идей. Одной из таких идей стала концепция, получившая название «*профилактики преступлений посредством урбанистического дизайна*» (Е. Вуд, Р. Джеффри, Дж. Келлинг, Р. Кларк, П. Мейхью, О. Ньюмен, С. Соренсен и др.) или другими словами, профилактика преступлений посредством особо организованной (созданной) среды жизнедеятельности (crime prevention through environmental design) [1].

Профилактика преступлений посредством дизайна среды жизнедеятельности может показаться необычной по сравнению с другими подходами к решению проблем превенции преступлений или реализации мер безопасности в силу того, что в основе этого подхода лежит ориентация на особым образом создаваемый дизайн и архитектурно-ландшафтные решения. Использование этого подхода также отличается и от традиционной профилактической работы, осуществляемой органами внутренних дел. Главное отличие заключается в том, что данный подход опирается, прежде всего, на профилактические мероприятия и обеспечение безопасности зданий и прилегающих территорий. В основу этой теории положен тезис о том, что «наличие возможностей делает законопослушного гражданина преступником» [3].

Профилактика преступлений посредством дизайна (создания) среды жизнедеятельности является относительно «молодым» подходом, хотя история защиты мест проживания уходит своими корнями в глубокую древность, когда наши предки устраивали свои жилища в пещерах и позднее в крепостях, окруженных рвами. В частности, в средневековых городах Европы устройство уличного освещения было продиктовано не столько вопросами удобства, сколько необходимостью предотвращения краж и разбоев.

Результатом теоретического осмысления идеи профилактики преступлений посредством дизайна среды жизнедеятельности явилась разработка последователями этого направления принципов практической реализации данного направления прикладной криминологии [2, с. 3-7]:

1. Возможности лежат в основе причинности всех преступлений.
2. Незаконные возможности очень специфичны.
3. Незаконные возможности концентрируются в пространстве и времени.
4. Незаконные возможности зависят от естественного хода развития социума.

5. Одно преступление создает возможности для возникновения другого.

6. Некоторые объекты посягательств более соблазнительны.

7. Общественный и технический прогресс вызывают появление новых незаконных возможностей.

8. Преступление может быть предотвращено путем исключения возможностей его совершения.

9. Исключение возможностей обычно не влечет замещение одного преступления другим.

10. Направленное исключение возможностей помогает снизить уровень преступности.

Актуальным направлением для исследований остается вопрос о том, каким образом данная теория и принципы, лежащие в ее основе, могут быть интегрированы в отечественную науку и практику противодействия преступности.

Как правило, организация и проведение крупных спортивных мероприятий оказывают положительное влияние на социально-экономическое состояние страны-организатора – это и создание новых рабочих мест, увеличение доходов от туризма, создание положительного имиджа. Например, количество туристов, посещающих Барселону (Испания), удвоилось после проведения в этом городе Олимпийских игр 1992 года. Проведение Чемпионата мира по футболу 2006 года позволило ФРГ преодолеть негативное отношение болельщиков к этой стране, считавшейся до этого «рассадником» футбольных хулиганов [4, с. 110-115]. Однако необходимо отметить, что наряду с положительными аспектами, массовые спортивные соревнования имеют и отрицательные последствия, одним из которых, несомненно, является рост преступности, и особенно вероятность совершения террористических актов в период их проведения.

Одним из важнейших факторов, способствующих повышению уровня безопасности при проведении спортивных мероприятий, является позитивное отношение болельщиков к месту проведения соревнований. В связи с этим нам представляется уместным обратиться к опыту правоохранительных органов ведущих зарубежных стран в вопросах применения принципов урбанистической криминологии на практике. Одной из таких стран, добившихся значительных успехов в профилактике противоправного поведения при проведении массовых спортивных мероприятий, является Канада. Считаем уместным привести в качестве примера принципиальные этапы данной работы и практические советы, учитываемые Отделами полиции по урбанистической профилактике преступлений (от англ. Urban Crime Prevention Unit – отдел полиции, отвечающий за организацию взаимодействия полиции с администрацией населенных пунктов, образовательных, спортивных, развлекательных и пр. учреждений) в процессе подготовки и проведения массовых спортивных мероприятий [6].

На первом этапе – предварительном осмотре мест проведения спортивных мероприятий – определяется степень готовности сооружений к проведению игр, т.е. оценивание достаточности свободного места для различных целей, качества и количества вспомогательных сооружений, а также степени доступ-

ности спортивных сооружений для болельщиков и персонала. Проверка производится по следующим параметрам:

- наличие у входов и выходов с территории спортивного сооружения достаточных по размеру площадок для концентрации болельщиков;
- возможность резервации рядом со спортивными сооружениями дополнительных мест для стоянки автотранспорта на случай превышения обычного количества болельщиков;
- возможность привлечения общественного или междугороднего транспорта для перевозки болельщиков;
- создание беспрепятственного доступа транспорту экстренных служб, а также наличие свободного места для организации медицинской сортировки пострадавших разной степени тяжести в случае возникновения чрезвычайной ситуации;
- возможность создания буферной зоны, т.е. участка полного блокирования улиц, прилегающих к территории спортивного сооружения.

На втором этапе производится общий осмотр мест проведения спортивных мероприятий с целью выявления частных особенностей строений, влияющих на безопасность и комфортность проведения спортивных мероприятий. В ходе осмотра осуществляется анализ таких показателей, как соответствие фактического количества мест для болельщиков заявленной вместимости сооружения; достаточность места для доставки и обратной транспортировки болельщиков частным и общественным транспортом; соответствие количества лестниц, лестничных пролетов, переходов и проходов максимально допустимому количеству болельщиков; наличие и функциональность противопожарного и информационного оборудования; наличие и доступность экстренных выходов и подходов к ним; работоспособного автономного освещения, информационных табличек, понятных указателей, сигналов и работающих табло; проверка надлежащего состояния половых покрытий, лестниц, дорожек, трибун и пр.; своевременность уборки мусора и удаление легковоспламеняющихся предметов и веществ; недопущение несанкционированного доступа лиц в служебные помещения.

Третий этап служит для прогнозирования поведения болельщиков. Для этого изучаются особенности поведения отдельных лиц и групп болельщиков перед началом, во время и после проведения спортивных мероприятий. Каждое скопление людей уникально по своему составу и характеру деятельности, но предвосхитить поведение людей можно путем обмена оперативной информацией между правоохрнительными органами и организаторами проведенных ранее аналогичных мероприятий. На данном этапе анализируются такие факторы, как наличие контактов с организаторами ранее проведенных соревнований подобного рода и правоохрнительными органами, обеспечивавшими их безопасность; традиционные формы поведения болельщиков применительно к конкретным условиям; наличие предполагаемых для использования болельщиками в противоправных целях мест на территории спортивного сооружения, включая такие особенности ландшафта и строений, как покатые естественные или ис-

кусственные поверхности, бассейны или фонтаны, а также лестничные пролеты, переходы и проходы, недоступные для естественного наблюдения; наличие реального количества парковочных мест для автотранспорта, исключая неофициальные места стоянок.

Четвертый этап призван выявить уровень контроля входов и выходов, т.к. пропускная способность входов должна быть таковой, чтобы не допускать превышение количества входящих над уровнем их рассеивания внутри помещения, т.е. непосредственно за входами болельщики не должны скапливаться в ожидании очереди на свои места или трибуны. Также необходимо исключить возможности незаконного проникновения лиц на территорию спортивного объекта.

Выходы должны быть устроены таким образом, чтобы давать людям возможность быстрого и свободного покидания сооружения в случае возникновения нештатной ситуации. Рекомендуемая пропускная способность составляет 40-60 человек через одну калитку при ее ширине до 600 мм.

Следует обеспечить выход болельщиков с одинаковой скоростью на всем протяжении коридоров. Для ускорения покидания помещений болельщиками допускается использование экстренных выходов только в том случае, если они не имеют извилистых коридоров; их двери открываются наружу и выходят на открытое пространство, если для их запираания не применяются сдвижные двери.

На пятом этапе уделяется внимание осмотру лестничных пролетов, переходов и проходов. Эти элементы должны быть спроектированы таким образом, чтобы обеспечивать равномерное движение болельщиков на всем их протяжении. Необходимо помнить, что передвижение людей по пандусам с большим углом наклона создает такую же угрозу для их жизни и здоровья, как движение по лестничным пролетам. Спотыкание, толчки и скопление людей может вызвать внезапное, неконтролируемое движение вниз. Необходимо также учитывать уклоны, возвышения, подходы к лестничным маршам при организации разделения встречных потоков болельщиков, а также ширину и высоту перил, длину лестничных маршей и уровень их освещенности.

В последнее время в некоторых странах (Австралия, Италия, США и др.) приобретает популярность устройство пандусов с небольшим углом наклона поверхности. Преимуществами таких пандусов является низкая травмоопасность, а также возможность их использования инвалидами на колясках, пожарными машинами или каретами скорой помощи. Концентрические пандусы, кроме того, позволяют болельщикам, покидающим спортивные сооружения, выбрать индивидуальный темп движения – чем ближе к центру, тем быстрее спуск или подъем. Недостатками пандусов, включая концентрические, являются необходимость устройства горизонтальных пролетов для отдыха пожилых людей, детей и инвалидов, что затрудняет видеоконтроль и невозможность их устройства с углом выше 12 градусов (согласно строительным нормам, например, в Евросоюзе).

Одним из отрицательных примеров организации эвакуации болельщиков с трибун стадионов является применение для этой цели эскалаторов и лифтов. Стадионы с такой системой входа и выхода, например, построенные в США

(Arrowhead and Royals в Канзас-Сити, Giants Stadium в Нью-Йорке), Малайзии (Selangor Turf Club в Куала-Лумпур), Великобритании (Twickenham) противоречат рекомендациям по эвакуации болельщиков в силу их малой пропускной способности и зависимости от источников питания.

Традиционно службами безопасности зарубежных стран предъявляются определенные требования к местам зрителей:

- запрещается использовать приставные (складные) стулья во всех закрытых и пространственно ограниченных помещениях при организации мероприятий с присутствием более 2000 болельщиков;

- приставные (складные) стулья можно использовать при проведении спортивных мероприятий на неогороженных площадках под открытым небом,

- свободное размещение болельщиков возможно только в отношении дисциплинированной и воспитанной аудитории;

- размещение болельщиков с указанными местами желательно, если имеется информация о вероятности проявления неприязни, оскорблений, враждебности между болельщиками противоборствующих команд;

- необходимо предусмотреть специальные места для размещения инвалидов, как правило, на первых или последних рядах или на специальных балконах, с организацией отдельного от основной массы болельщиков входа и выхода для «колясочников»;

- во время соревнований с целью поощрения необходимо транслировать посредством информационных табло степень проявления законопослушного поведения каждого сектора болельщиков.

Для удобства зрителей и безопасности участников спортивных состязаний рекомендуется установка горизонтальных защитных ограждений высотой не более 1 м и глубиной не менее 2 м, основными элементами которого являются капроновые жгуты, натягиваемые по направляющим вдоль прохода (см. рис. 1). При этом во избежание травм болельщиков при возникновении экстренных ситуаций в них предусматриваются открывающиеся или складывающиеся секции, количество которых зависит от максимального числа посадочных мест конкретного сектора [5].

Рис. 1. Устройство горизонтальных защитных ограждений

При использовании спортивных сооружений в качестве площадок для проведения концертов, выступлений, митингов и пр. предусматривается возможность снятия защитных устройств.

Представленные выше примеры позволяют сделать вывод о том, что элементам пассивной безопасности при организации спортивных мероприятий (наряду с традиционными мерами полицейского присутствия, нормами правового режима) уделяется за рубежом большое внимание. Алгоритм этих мер в упрощенной форме можно представить в виде единства следующей последовательности действий заинтересованных ведомств:

- анализ необходимости включения элементов физической защиты в планы строительства или реконструкции объектов спортивной инфраструктуры;
- изучение возможности включения элементов пассивной защиты от внешнего и внутреннего воздействия в конструкцию объектов;
- изучение характеристик имеющейся инфраструктуры;
- меры по усилению безопасности примыкающих к инфраструктуре объектов;
- изучение способов модификации интерьера и экстерьера объектов спортивной инфраструктуры в целях повышения безопасности присутствия зрителей, самих зданий, прилегающих территорий и исключения возможности совершения преступлений, влекущих в том числе массовые жертвы.

Наше исследование не претендует на полное раскрытие всех аспектов проблемы, выявляя необходимость продолжения изысканий в данной области. Одним из приоритетных направлений мы видим разработку методических рекомендаций по проведению криминологической экспертизы объектов, предназначенных для проведения массовых спортивных мероприятий и процесса подготовки самих мероприятий с позиции теории урбанистической криминологии.

Литература

1. *Сморгунова А.Н.* Критическое направление в современной англо-американской криминологии: дис. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2004.
2. *Crime prevention through environmental design. Guidebook.* National Crime Prevention Council. Home Office, United Kingdom, 2003.
3. *Garland D.* The New Criminologies of Everyday Life: Routine Activity // Theory in Historical and Social Context in A. Van Hirsch, D. Garland and A. Wakefield (eds) Ethical and Social Perspectives on Situational Crime Prevention. – Oxford: Hart Publishing, 2000.
4. *John G., Shierd R., Vickery B.* Stadia: a design and development guide. 4th Edition. – Elsevier Ltd. Oxford, 2007. Pp. 110-115.
5. *Karmen A.* Crime Victims. Pacific Grove: Brooks/Cole, 1992.
6. *Wekerle, G.R. et el.* A Working Guide for Planning and Designing Safer Urban Environments. Planning and Development Department, Toronto. Canada, 1992.

ВОЗМОЖНОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ

УДК 343

Чурсин А.В.

(Белгородский правоохранительный колледж имени Героя России В.В. Бурцева)

Аннотация: одной из актуальных задач криминалистики в современных условиях является разработка и совершенствование средств и методов криминалистического обеспечения деятельности правоохранительных органов по борьбе с различного вида преступлениями, и в частности с терроризмом. Учитывая, что существует необходимость дальнейшего криминалистического анализа терроризма, в научной статье предпринята попытка исследовать вопрос криминалистического обеспечения деятельности по борьбе с терроризмом, позволяющего существенно повысить эффективность и результативность противодействия этому социально-негативному явлению.

Ключевые слова: терроризм, криминалистическое обеспечение, технико-криминалистические средства и методы, комплексный подход.

THE POSSIBILITIES OF CRIMINALISTIC SUPPORT OF ACTIVITIES TO COMBAT TERRORISM

Chursin A.V.

(Belgorod law College named after the Hero of Russia V.V. Burtsev)

Abstract: one of the actual tasks of criminalistics in modern conditions is the development and improvement of means and methods of criminology support of law enforcement agencies in combating various types of crimes, in particular terrorism. Given that there is a need for a further criminalistic analysis of terrorism, the scientific article has attempted to investigate the issue of criminalistic support for counterterrorism activities, which makes it possible to significantly improve the effectiveness and resultiveness of countering this socially negative phenomenon.

Key words: terrorism, criminology support, technical and criminal means and methods, integrated approach.

В настоящее время терроризм стал общепризнанной серьезной угрозой международному сообществу. Это социально-политическое явление оказывает влияние не только на безопасность отдельных государств, но и на международную стабильность в целом. События последних лет неопровержимо свидетельствуют о том, что терроризм шагнул далеко за национальные границы, приобрел форму глобальной угрозы цивилизованному человечеству, затронул самые разные стороны политических, социальных, общественных и экономических отношений, выработал формы маскировки, затрудняющие предупреждение и

своевременное пресечение преступных замыслов, а при их реализации – раскрытие и расследование преступлений террористического характера.

Это предопределяет необходимость поиска эффективного противодействия этому социально негативному явлению мирового масштаба.

К одному из условий преодоления данного негативного явления можно отнести своевременное и качественное криминалистическое обеспечение этой деятельности, без чего деятельность структур, осуществляющих борьбу с терроризмом, весьма затруднительна.

В особенности этот вопрос актуален при проведении организационных, оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий в рамках расследования преступлений террористического характера.

Понятие криминалистического обеспечения деятельности правоохранительных органов на уровне функциональных обязанностей для самостоятельных структурных подразделений в окончательном виде пока не сформулировано, поскольку преимущественно сориентировано на производство экспертиз, т.е. технико-криминалистическое обеспечение данной деятельности. Оно направлено на достижение и поддержание повседневной готовности правоохранительных органов к применению технико-криминалистических средств и методов, а также на практическую реализацию такой готовности в каждом конкретном случае раскрытия и расследования преступлений такого вида.

Можно констатировать, что в системе отдельных правоохранительных органов криминалистическое обеспечение осуществляется в основном усилиями научно-технических подразделений и берет начало с разработки соответствующих алгоритмов для отдельных структур.

Криминалистическое обеспечение, как правило, представляет собой особого рода оперативно-техническую задачу, решаемую этими подразделениями на основе отдельных программ, которые могут включать в себя:

- производство экспертиз и производство научно-технических исследований;
- проведение оперативно-технических мероприятий;
- участие в расследовании чрезвычайных происшествий;
- разработку специальных криминалистических средств для борьбы с коррупцией, организованной преступностью и терроризмом, контрабандой и другими преступлениями;
- криминалистическое обеспечение деятельности оперативных и следственных подразделений по данной оперативно-технической задаче вооружения;
- проведение всех основных видов криминалистических исследований;
- диагностику и идентификацию лиц по письменной и устной речи, почерку, отпечаткам пальцев, продуктам метаболизма, фотопортрету;
- диагностику и идентификацию звукозаписи и видеоаппаратуры, печатной и множительной техники;
- технико-криминалистические исследования документов;
- установление источника происхождения исследуемых объектов и материалов;
- психофизиологические исследования [2, с. 22-33].

Оперативно-техническая задача может быть разделена на ряд подзадач, исходя из специфики, но многие из них дублируют друг друга.

Криминалистическое обеспечение как вид их деятельности в соответствии с принятой оперативной частью соответствующих программ включает в себя лишь следующие элементы:

- разработку и производство специальных криминалистических средств, к числу которых относятся как технические средства, так и методики проведения конкретных исследований и работ;

- производство криминалистических экспертиз по постановлениям следователей и научно-технических исследований по заданиям оперативных подразделений;

- ведение централизованных и экспертно-криминалистических учетов;

- участие специалистов в следственных действиях и оперативно-разыскных мероприятиях.

Поскольку криминалистические средства и методы используются и оперативными сотрудниками, и следователями, то приведенную выше четырехзвенную структуру элементов криминалистического обеспечения, на наш взгляд, целесообразно дополнить пятым элементом, включающим в себя и указанное использование.

Принципиально важной представляется непосредственная связь криминалистического обеспечения с методикой и тактикой осуществления борьбы с терроризмом, так как именно на них должны базироваться тактические задачи, потому что для решения каждой задачи используются конкретные криминалистические средства и методы. Это обуславливает необходимость придания и выработки некоего унифицированного характера для криминалистического обеспечения, научно-методической базой которого одновременно являются не только данные криминалистической, но и других наук (например, теории оперативно-разыскной деятельности).

Фактически же в настоящее время оперативно-разыскные мероприятия и следственные действия по линии борьбы с терроризмом в плане предоставления научно-обоснованных рекомендаций методического или тактического содержания обеспечиваются преимущественно криминалистикой. Однако в структуре правоохранительных органов и спецслужб нет подразделения, которое осуществляло бы научный, всесторонний анализ практики по линии оперативно-разыскной и следственной деятельности, а также подготавливало бы соответствующие рекомендации практического характера, что существенно и не в лучшую сторону влияет на эффективность реализуемых мер.

Достичь этого можно лишь с привлечением возможностей криминалистики, за счет расширения ее предмета по проблематике антитеррористической оперативно-разыскной и следственной деятельности, то есть в рамках раскрытия и расследования преступлений.

Единство криминалистического обеспечения с теоретической, методической и технической сторон предполагает в качестве исходного условия единст-

во и согласованность в методике и тактике соответствующих следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий.

С теоретических позиций развитие криминалистического обеспечения требует как дифференциации, так и согласования соответствующих разработок криминалистической и иных наук. Однако за криминалистикой остается обязанность обеспечения единства общеметодического подхода в борьбе с преступностью.

Криминалистическое обеспечение борьбы с терроризмом требует теоретических, методических и технических разработок со стороны всех ученых и практиков, исследующих данную проблематику, а также их дальнейшее совершенствование.

Совершенно справедливо мнение ученых о том, что «...комплексный подход применяется уже на этапе создания средств криминалистического обеспечения розыскных мероприятий, например, методик экспертного исследования. Так, разработка и использование автороведческих методик с целью диагностики обликовых характеристик человека требует привлечения данных и методов таких отраслей знания, как филология, общая и социальная психология, социология» [1, с. 46].

Особенно важно обеспечить комплексность в единых рамках согласованной по цели идентификационной или диагностической поисково-доказательственной деятельности оперативно-разыскных и следственных подразделений.

Условием комплексности является однозначность понимания вопросов исследования оперативным сотрудником, следователем, специалистом и экспертом с тем, чтобы каждый из них находящимися в его распоряжении средствами и методами решал свою часть исследования в рамках единого оперативного замысла, имеющего целью раскрытие и расследование преступления.

При реализации концепции комплексного подхода в полной мере и само криминалистическое обеспечение приобретает структурированный характер, где выполнение совокупности требующихся действий разумно распределено между следователем, оперативными сотрудниками, специалистами и экспертами.

Можно выделить несколько направлений, требующих более пристального рассмотрения при организации криминалистического обеспечения мероприятий подразделений, осуществляющих борьбу с терроризмом:

– по задаче предупреждения терроризма: просматривается необходимость повышения значимости криминалистических учетов. Оптимальным является вариант с созданием единого межведомственного криминалистического учета по фактам терроризма, применения ВУ, боеприпасов и огнестрельного оружия с «обслуживанием» всех заинтересованных государственных органов. Система накопления информации позволила бы отслеживать динамику и тенденции противоправного применения всех видов поражающих средств, в котором собственно факты терроризма отличаются лишь по цели;

– по задаче выявления и пресечения актов терроризма на различных стадиях их подготовки и совершения: наиболее существенным явилось бы обобщение опыта работы дежурной службы и оперативно-следственных групп с це-

люю выделения основных факторов и условий, определяющих эффективность соответствующих мероприятий;

– по задаче розыска лиц, причастных к совершению акта терроризма и установления происхождения орудий терроризма: важен любой опыт передачи его оперативным подразделениям, будь то типовая лекция по подготовке оперативного состава или алгоритмы действия в конкретных ситуациях;

– по задаче оперативного документирования соответствующих видов деятельности и обстановки, связанной с терроризмом, с учетом последующих интересов доказывания: проблема так называемой легализации оперативно полученной информации, превращение этой информации в источники судебных доказательств весьма актуальна хотя бы потому, что УПК и ФЗ об ОРД регламентируют практически одни и те же действия, с одними и теми же субъектами и конечной целью, но с различиями при этом в решаемых промежуточных задачах [2, с. 30].

При совершении акта терроризма криминалистическое обеспечение имеет также задачу способствовать недопущению наступления дополнительных вредных последствий. Например, средства гидродинамического разрушения обнаруженных ВУ, не подлежащих по своей конструкции обезвреживанию, позволяют избежать взрыва и разрушительного действия его факторов.

Таким образом, разработка и совершенствование средств и методов криминалистического обеспечения деятельности правоохранительных органов при борьбе с терроризмом позволит существенно повысить эффективность и результативность противодействия этому социально негативному явлению.

Литература

1. *Коршунов А.М., Мантанов В.А.* Теория отражения и эвристическая роль знаков. – Москва, 1974.
2. *Сафонов И.И.* Организация раскрытия и расследования терроризма. – Москва, 2004.

СОДЕРЖАНИЕ

Архипцев И.Н. ПРАВОВАЯ ОСНОВА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ НЕ- СОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИИ И БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ	3
Богмацера Э.В. ПРОБЛЕМЫ ПОСТРОЕНИЯ УНИВЕРСАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПРО- ТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ	8
Божко Е.А., Буняева К.В. ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ НА ВОДНОМ ТРАНСПОРТЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	14
Вородюхин С.Е. ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКС- ТРЕМИЗМУ В РОССИИ	18
Воронцова Ю.А. «ЯЗЫК ВРАЖДЫ» КАК СПОСОБ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА В СОВРЕМЕННОМ ДИСКУРСЕ	23
Дергилева С.Ю. ОРГАНИЗАЦИЯ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА	27
Зайцев В.А. ПРОБЛЕМА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ КОН- ФЛИКТОВ	33
Ильичёв И.Е. О ПАРАДИГМЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ	38
Лысенко В.А. Рязанова Н.А., ЭКСТРЕМИЗМ КАК ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ	42

Лягушкин И.В. ЭФФЕКТИВНЫЕ МЕТОДЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИДЕОЛОГИИ КРИМИНАЛЬНОГО ЭКСТРЕМИЗМА	48
Марченя П.П., Шаповалов Я.А. ПРОБЛЕМА ВОЗМОЖНОСТИ МОРАЛЬНОГО ОПРАВДАНИЯ ТЕРРОРИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ	52
Моисеев А.Б. КСЕНОФОБИЯ КАК ИСТОЧНИК ЭКСТРЕМИСТСКОГО ПОВЕДЕНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ БОЛЕЗНЬ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА	57
Пакляченко М.Ю. ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ	64
Переверзев Е.А. К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ	68
Пузырева Ю.В., Кочетков А.А. СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ МЕЖДУНАРОДНОМУ ТЕРРОРИЗМУ	74
Селин Б.Н., Селина И.А. ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНЫМ ПОСЯГАТЕЛЬСТВАМ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СПОРТИВНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ЗА РУБЕЖОМ: ПРОБЛЕМЫ УРБАНИСТИЧЕСКОЙ КРИМИНОЛОГИИ	77
Чурсин А.В. ВОЗМОЖНОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ	85

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**Противодействие экстремизму на национальном и международном уровнях:
методология, правовые и организационные основы**

Материалы
Всероссийской научно-практической конференции

16 ноября 2017 г.

Редактор *О.Н. Пендюрина*
Техн. редактор *Т.Л. Ковалева*

Подписано в печать 2018 г., формат бумаги 60x90/16, уч.изд.л. 5,8,
бумага офсетная, печать трафаретная
Тираж 28 экз., заказ № 39

Отпечатано в отделении полиграфической и оперативной печати
Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
г. Белгород, ул. Горького, 71

ISBN 978-5-91776-236-4

